

Ирина Ринц

**Книга о
прошлом**

Ирина Ринц

Книга о прошлом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23794017

ISBN 9785448506956

Аннотация

Ветви сосудами тянутся в небо
Без Неба этой Земли не было бы
Земля прорастает в Небо корнями
Ему устилает дорогу тенями
Встречает его, робкая, вечером
Думая, что останется незамеченной
Влага небесная на ковре травном
Которая дарит этой Земле главное —
Жизнь...

Содержание

Глава первая. Заявка в Небесную Канцелярию	5
Глава вторая. «Москвич», судьба и мокрые ботинки	20
Глава третья. Раз наставник, два наставник...	39
Глава четвёртая. Брудершафт	60
Глава пятая. Пророк в своём Отечестве	75
Глава шестая. Тонкое искусство приручения светлячков	88
Глава седьмая. Особенности неевклидовой геометрии	109
Глава восьмая. Три монолога о любви	120
Глава девятая. Лепесток священного огня	133
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Книга о прошлом

Ирина Ринц

© Ирина Ринц, 2017

ISBN 978-5-4485-0695-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Заявка в Небесную Канцелярию

В темноте в чужой спальне найти спросонья сигареты практически невозможно. А по здравом размышлении и не нужно. Потому что самое правильное сейчас – тихо собрать свою одежду и неслышно выйти, чтобы – не дай Бог! – не разбудить своё очередное разочарование.

Торопливо натягивая в тесной прихожей брюки, мажор и ловелас Викентий Радзинский с содроганием вспоминал, как в самый пикантный момент лицо его новой знакомой неуловимо изменилось, и вместо соблазнительной улыбки блеснул острыми клыками хищный оскал. Сморгнув, Радзинский понял, что это было очередное наваждение, но неприятный осадок остался. А когда, мгновение спустя, сумерки вокруг прелестницы полыхнули алым, пришлось признать, что, как бы ни назывались эти странные видения и откуда бы они не брались, содержание их всегда удивительно точно отражало суть людей и явлений, к которым они относились. В данном случае неведомые силы сигнализировали Радзинскому, что женщина, в чьей постели он оказался

сегодня – хищница. А красный цвет, как показала практика, являлся признаком натур низменных и, можно даже сказать, животных.

Мартовская ночь встретила его свежестью и тишиной – прозрачной, хрустящей. Звонко крошился под ногами лёд, тонкой корочкой затянувший глубокие тёмные лужи. Пока грелся мотор нежно любимого «Москвича», Радзинский, наконец, закурил. Терпкий дым сигареты успокаивал, расслаблял, казалось даже – прояснял мысли. А мысли эти вполне ожидаемо крутились вокруг проблемы фатального внутреннего одиночества, которое в последнее время давало о себе знать необычайно остро. Пусть по советским меркам он счастливчик: квартира, машина, заграничные командировки, шикарные шмотки... И это помимо того, что и умом и внешностью природа его не обделила. Длинный список побывавших в его постели красавиц мог, наверное, заставить кого-то подавиться от зависти. Плюс к тому кандидатская степень (а, можно не сомневаться, будет и докторская) и три языка в активе. Но *что* все эти обывательские радости против остро-тоскливого ощущения, что жизнь проходит зря? И эти жутковатые приветы из другого мира... Радзинский сам не знал, что ему с собой делать – с этими странными видениями, звериным чутьём, сверхъестественной властью над людьми... «Господи, пошли мне человека, который бы меня **ПОНИМАЛ!**» – мысленно возопил Радзинский. Понимание казалось сейчас важнее всего – важнее любви. Этот

крик души почему-то разом истощил все его силы: думать расхотелось, проблемы стали казаться мелкими, мир резко съёжился и потерял свою глубину и многомерность – плоская, картонная декорация. Все помыслы сосредоточились на естественном стремлении поскорее добраться до дома, принять душ и уснуть в надежде, что новый день будет лучше прежнего – Радзинский был оптимистом...

В маленькой, тускло освещённой кухне было тесно и очень жарко. Дым стоял коромыслом, причём, отнюдь не метафорически – четверо курящих мужиков надымили так, что теперь с трудом могли различить лица друг друга. Правда, этому немало способствовали также три успешно освоенных бутылки водки и четвёртая – початая – стоящая на столе.

Радзинский, подпирая широким мощным плечом стену, и вытянув свои длинные ноги под столом, едва помещался на отведённом ему клочке пространства. Прислонившись спиной к холодильнику, он неспешно затягивался сигаретой. Месторасположение позволяло спокойно разглядывать собеседников. Двое сидели напротив (один из них хозяин квартиры), ещё один с торца небольшого прямоугольного стола, а того, кто сидел рядом по левую руку, рассматривать не было необходимости – этого человека Радзинский прекрасно

знал, поскольку вырос с ним в одном дворе и, как говорится, съел с ним уже не один пуд соли. Собственно, этот товарищ – Олег Покровский – и привёл его сюда, в эту компанию.

Беседа складывалась причудливо, ответы не совпадали с вопросами – непонятно было, слышат ли собутыльники друг друга вообще. Впрочем, никого это особо не смущало, поскольку ни один из присутствующих не был настолько трезв, чтобы эту странность осознать.

– Что такое это самое *просветление*? – вальяжно рассуждал полноватый блондин с растрепавшимися жидкими волосами и красным от жары и выпитой водки лицом. – Исключительно субъективная вещь! Или патология. У меня таких «просветлённых» – целый этаж! Всё отделение забито искателями Истины!

– Но ведь существуют необъяснимые вещи, – вежливо вставил своё слово Олег. Он был пьян чисто «по-медицински» и самоконтроля не терял. – Когда я работал на «Скорой», был такой случай. Женщина гуляла с ребёнком во дворе, и туда въехал автомобиль. Она увидела, что машина едет прямо на малыша, подскочила, схватилась за бампер и перевернула «жигулёнок» кверху колёсами. Потом она и сама была в шоке – особой силой девушка не отличалась и ничего подобного повторить, конечно, не могла. Есть свидетели...

Блондин не ответил, потому что, высказавшись, сразу потянулся к банке с солёными огурцами и с тех пор безуспешно под разными углами пытался выковырять коварный овощ

из крутобокой стеклянной тары.

– Нет, настоящие Мастера всё-таки есть, – прервал затянувшееся молчание хозяин квартиры – чернявый, жилистый парень с опасно блестящими, как у маньяка, глазами. – Я точно знаю. Только живут они в такой глуши и неизвестности, что до них Контора добраться не может.

– И чем же они занимаются – эти твои «мастера»? – снова встрял утирающий пот с лица блондинчик. – Грибы галлюциногенные жрут? У меня такие знакомые тоже были. Магами себя называли. Так они все от наркоты уже подошли! А те, которые медитируют, или через одну ноздрю дышат – они все ко мне в дурку попадают!

– Так уж и все? – усмехнулся Радзинский.

– Может, и не все, – блондинчик агрессивно развернулся к собеседнику. – Только те, которые по этим книжечкам самиздатовским особо упорно занимались. Книжечкам, которые такие, как ты, «востоковеды» в народ пускают. Тоже чего-нибудь напереводил, переводчик?! – Толстый пупырчатый огурец в его руке грозно нацелился на оппонента.

Радзинский опёрся локтями о стол, спокойно затянулся и выпустил дым в лицо блондинчику, но так расслабленно и задумчиво, что расценить это, как акт агрессии, у того не получилось бы при всём желании.

– Я стихи перевожу, – ласково ответил он психиатру, внимательно изучая при этом каждую чёрточку его лоснящегося от пота лица. Радзинский сильно сомневался, что каба-

листический трактат «Шиур кома», который он вместе с научным руководителем перевёл ещё в бытность свою аспирантом, мог, хоть сколько-нибудь, повредить искателям Истины, ввиду исключительной специфичности, туманности и невнятности текста. Зачем этот перевод понадобился тогда старому еврею, он до сих пор так и не понял.

– Стихи – это хорошо, – с трудом фокусируя мутный взгляд, уставился на Радзинского шуплый, растрёпанный парень, сидевший сбоку от стола – он, похоже, набрался больше всех. Покачиваясь, доходяга распрямился, и вдруг начал декламировать с такой страстью, с таким вдохновением, что у присутствующих мурашки дружно протопотали по спине:

Уже достигло высшей точки
Всё то, что двигаться могло.
И расцвели вокруг цветочки,
И всё вокруг заволокло.

И соловьи вокруг запели,
И зачирикали щеглы,
А попугаи не успели,
И канарейки не смогли...

Уже прошло, уже пропало,
Уже рассеялось, как дым.
И крик Бальмонта «Мало! Мало!»
Не сделает меня седым.

И всё пошло по прежним рельсам,
И всё попало в колею,
И адмирал великий Нельсон
Мурлычет песенку мою...

Судя по всему, именно великой силы искусства не хватало присутствующим для тотального катарсиса. По окончании декламации сначала воцарилась гробовая тишина, так что можно было решить, что все разом вдруг протрезвели. Но тут, очнувшись, пытливые молодые люди заговорили одновременно. Дружно налили, дружно выпили. Принялись обниматься, утирая пьяные слёзы, в чём-то клясться друг другу и самим себе...

– Пора нам, Олежек, – тихо заметил товарищу Радзинский и незаметно подпихнул друга к двери.

Так они и ушли – элегантно, по-английски.

И снова бодрящая свежесть прозрачной мартовской ночи. И похрустывание льда под каблуками. И сигарета – какая-то слишком горькая на вкус в этот раз. И тошно также, как и вчера. А, может быть, ещё противнее.

– А какой способ самоубийства самый простой? – отрешённо интересуется Радзинский, рассеянно наблюдая, как растворяется в ночном воздухе сизый табачный дым.

– Живи, живи себе, и рано или поздно помрёшь – вот самый простой способ самоубийства, – неохотно откликается Покровский, старательно борясь с тошнотой.

Радзинский пристально смотрит на своего всегда подтяну-

того, дисциплинированного приятеля, который даже сейчас аккуратно застёгнут на все пуговицы, и шагает ровно, и выражается корректно – полное впечатление, что и в мыслях у него такой же порядок. Это производит впечатление. Заставляет прислушаться.

– А яду у тебя нет? – Почему-то хочется плакать и Радзинский торопливо затягивается сигаретой, чтобы скрыть свою постыдную слабость.

– Яду мы с тобой только что приняли в достаточном количестве. Или тебе мало? – недовольно морщится Покровский.

– Олежек, для чего мы живём? Ты знаешь? – отрывисто спрашивает Радзинский и невольно ускоряет шаг, чтобы хоть таким образом приглушить странное возбуждение, растущее в груди и сдавливающее сердце. – Эти твои знакомые – они знают?... Почему мне так хочется сдохнуть?!...

– Потому что ты надрался, как последняя скотина, и теперь сам себе противен, – бесстрастно отвечает друг детства. – Впрочем, я не лучше... – покаянно вздыхает он.

Радзинский останавливается и швыряет окурок на лёд, придавливая его носком ботинка. Поворачивается к другу лицом.

– А я могу сделать так, что ты мигом протрезвеешь. – Он разминает кисти рук и поддёргивает рукава, как будто собирается показать фокус. – Веришь? Я знаю, что если уберу вот это сиреневое мерцание вокруг твоей головы, – он широко поводит рукой, – хмель из твоих мозгов разом улетучится.

Я псих?

– Нет, ты феномен, – успокаивающе похлопывает его по руке Покровский и снова страдальчески морщится от подступающей дурноты. – И я буду очень тебе благодарен, каким бы загадочным способом ты не избавил мой организм от симптомов алкогольного отравления. – Он выжидательно смотрит на Радзинского. Тот сосредоточенно проводит рукой над его макушкой и с интересом наблюдает, как ошарашенный друг недоверчиво трясёт головой, трезвея. И неопостижимым образом трезвеет сам.

Они молчат. Радзинский мрачнеет и прикуривает новую сигарету. Покровский, не находя слов от переполняющих его эмоций, сконфуженно тычет его кулаком в плечо:

– А, может, ты просто волшебник? И мы не там ищем?

– А где надо? – Радзинский поднимает воротник, ощущая озноб и слабость, как от внезапно приключившейся простуды. Кроме всяких шуток у него начинает болеть голова и першит в горле.

– Ну, как в сказках бывает? – радостно смеётся Олег. – Тебя найдут. Например, старичок какой-нибудь попросит через дорогу перевести, а потом обернётся могучим колдуном, который научит тебя управлять стихиями!.. Представляешь, – добавляет Олег удивлённо, чутко прислушиваясь к чему-то внутри себя. – А у меня, кажется, простуда прошла после твоих манипуляций...

Радзинский озадаченно смотрит на него несколько се-

кунд, а потом начинает дико хохотать.

– Я не волшебник. Я только учусь... – всхлипывает он в промежутках между приступами истерического смеха. Горло саднит всё сильнее, уже больно глотать и – самое противное – свербит в носу. – Пойдём. – Он хлопает Покровского по спине своей могучей рукой так, что тот едва не клюёт носом асфальт. Затыгивается сигаретой и одновременно мычит от смеха. – А, может, психиатру этому сдать – для опытов? Человек диссертацию напишет – хоть кому-то от моей «патологии» польза! Он, по крайней мере, более вменяемый, чем тот тип, который с помощью звуковых вибраций нам чакры открывал! Слушай! – Радзинский заходится в новом приступе смеха. – А вдруг я уже «просветлённый»? Другие стараются, через одну ноздрю дышат, чтобы что-то там обрести, а у меня уже всё есть! Так это меня должны искать! Ну! Взять тебя в ученики?

Стенать и всхлипывать от смеха они продолжают уже вместе, и так – дружески пихая друг друга локтями – идут домой.

Во дворе перед тем, как разойтись по подъездам, Радзинский устало произносит:

– Ладно, Олежек. Я думаю, хватит нам уже дурью маяться. По тридцатнику скоро обоим стукнет. Ты как хочешь, а я больше по таким компаниям не ходок.

– И правильно, – сосредоточенно кивает Покровский, но в глазах его сомнение, и неуспокоенность, и жажда. Радзинский пристально всматривается в его простое, честное

лицо и хмуро качает головой. Они прощаются и оба знают, что, как только на их горизонте нарисуеться новая компания «ищущих», «знающих» или «просветлённых», любопытство перевесит все мудрые соображения, и они непременно потащатся туда снова. Как два доверчивых дурака.

– Ну, как – ты понял что-нибудь? – Покровский с интересом утыкается в «слепой» машинописный текст.

– П-ф-ф, – словно сдувается Радзинский и трёт ладонями лицо, крепко прижимает их к векам, таращит осоловевшие глаза. – Я уже пробовал. «Медитировать».

– Да? – удивлённо вскидывается Олег. – Ты не рассказывал.

Радзинский усмехается про себя – он много чего не рассказывал. Например, что прошлым летом в Баку, куда ездил на конференцию, познакомился с человеком, который назвал себя суфием. Общение с ним остро напоминало Радзинскому засасывание в аэродинамическую трубу – и страшно, и сопротивление не поможет. Он провёл у бакинского знакомого в Гяндже две недели, и за это время всё в мозгах его сдвинулось настолько, что о возвращении в прежнее сонно-дремотное состояние сознания не могло быть и речи. Рафик дал координаты одного человека в Подмосковье, который занимался тем же, что и он. Наведавшись по указан-

ному адресу, Радзинский почувствовал, что влип ещё больше – Эльгиз заморозил его настолько, что первые полгода знакомства он каждые выходные мотался в посёлок, где тот живёт, и, открыв рот, ловил всякое его слово, и ходил за ним, как привязанный. Но перед Новым годом Эльгиз поставил условие: Радзинский всё бросает и перебирается в его избушку – только тогда он станет полноценно его учить. И всё оборвалось – Радзинскому словно кто-то сказал «не надо» и он не смог через это своё внутреннее отторжение переступить. Всё происходило, конечно, в страшном секрете. Пришлось пообещать, что ни одна живая душа об этих контактах не узнает. А Радзинский слово держал, потому и не обмолвился лучшему другу о своём приключении.

– Ну, как же! – раздражённо хмурится он. – Ты же сам меня с ним познакомил – с этим типом с Алтая!..

– Не помню... Ладно – и что?

– Что... Сосредоточился я на этой самой «кундалини» и увидел, как из основания позвоночника выпорхнула белая птица и по позвоночному столбу начинает подниматься голубое пламя...

– Ух ты! – не отрываясь от чтения, восхищается Покровский и вонзает зубы в кусок пирога с черничным вареньем.

– «Ух» – да не «ух», – морщится Радзинский. – Когда я рассказал об этом тому парню, он жутко испугался и горячо посоветовал это самое пламя «затушить». Во избежание непредсказуемых последствий...

– И ты затушил? – ахает Покровский, на мгновение вскидывая на собеседника глаза.

– Конечно. Я что – камикадзе? – Радзинский заглядывает в свою опустевшую чашку, вздыхает и идёт варить новую порцию кофе. – Понимаешь, Олежек, – продолжает он, снова усаживаясь за стол с дымящейся туркой в руке. – Это вещь сугубо практическая. Ты углубляешься, углубляешься, углубляешься в себя, постепенно отбрасываешь всё ложное, слой за слоем снимаешь с себя стружку... И в итоге приходишь до самой сердцевины. А там ничего нет – пустота... Это то, как я понял цель предпринимаемых усилий. Может, я не прав?.. Ты, вообще, меня слушаешь?!

– М-м-м... Да! – с видом пай-мальчика кивает Покровский, поспешно откладывая изрядно помятые листки в сторону. И преданно глядит Радзинскому в глаза.

Тот оценивающе прищуривается и неторопливо делает глоток кофе.

– Вот тобою что движет? Ради чего ты носом землю роешь?

– Ну... Я врач. Мне просто любопытно всё выходящее за рамки обыденного представления о мире и человеке. Я надеюсь найти всем этим невероятным фактам исчерпывающее научное объяснение, – твёрдо, без запинки, отвечает Олег.

– То есть, цели у тебя нет, – безжалостно подытоживает Радзинский.

Покровский возмущённо открывает рот и тут же захлопывает его обратно – получается, что цели, по большому счёту, действительно, нет. Так – увлечение процессом. Хобби.

– А у всех этих «оздоровительных» упражнений цель есть. Понимаешь, Олежек? И как-то она не сильно меня вдохновляет...

– Ты что?! – обижается вдруг Олег. – Это же древнее знание о человеческом организме! Наука только сейчас к этому подходит!

– Дубина, – ласково произносит Радзинский. – Цель всех этих занятий – за пределами этого мира. Ты бы ещё сказал, что христиане для оздоровления организма постятся... – Он прикуривает и задумчиво гоняет по столу зажигалку. – У меня такое ощущение, – вздыхает он, наконец, – Что мне чего-то не хватает – волшебного слова, ключа... Я стою, скажем, перед иконой и *знаю*, что она должна быть живой, отвечать мне. А она – не отвечает. Хоть головой об стенку бейся. Ну, как тебе ещё объяснить! – почти с отчаянием восклицает он, видя искреннее недоумение на лице Покровского. – Я *чувствую*, что где-то там – за стенкой – другая жизнь, другая реальность. А входа туда нет – никак не доцарапаешься...

Покровский глядит виновато, ему неловко. Он слышит это уже не в первый раз, но – *не понимает*. И чем помочь – не знает. Радзинский устало машет в его сторону рукой, подталкивает к нему потрёпанную рукопись:

– Иди-ка ты домой, эскулап. Обогащай науку о человеке-

ском теле...

Тоска, снедающая Радзинского изнутри, становится почти невыносимой. Бокал вина ведь не повредит? И даже два бокала вина, выпитых в одиночестве под тягучие восточные мелодии с подаренной Рафиком пластинки...

Глава вторая. «Москвич», судьба и мокрые ботинки

Лихо рассекая зеркальную гладь безбрежных мартовских луж, Радзинский мчался на своём «Москвиче» как ветер. Но не потому, что куда-то опаздывал, нет – просто наслаждался ощущением праздника, которое источала ликующая вокруг природа. К тому же нагрудный карман его кожаной куртки приятно согревал листочек с номером телефона – номерок принадлежал очарованной утром на кафедре симпатичной рыженькой аспирантке, которая так мило заливалась жарким румянцем по любому поводу.

Сворачивая во двор, Радзинский и не подумал сбросить скорость. Талая вода сверкающей стеклянной стеной взметнулась вверх – к невероятно яркому голубому небу – и обрушилась на тротуар, окатывая с головы до ног ни в чём не повинного прохожего, которого – честное слово! – не было там секунду назад. Разве что из-за фонарного столба выскочил...

Радзинский чертыхнулся и резко сдал назад. Бросил на сиденье солнечные очки, поспешно выпрыгнул из автомобиля, немедленно погружаясь в воду чуть ли не по колено.

– Простите, ради Бога! – выбираясь на тротуар, умоляюще пророкотал он своим чувственным баритоном, и сделал широкий шаг к растерянному парню, с чьих светлых волос – вот ужас-то! – капала вода. И осёкся: нет, не от того, что жертва его лихачества так лучезарно улыбалась ему во все свои тридцать два белоснежных зуба. Просто такого слепящего радужного сияния, которое светлым искрящимся облаком окружало силуэт этого человека, Радзинский не видел ещё никогда.

Сердце сразу забилося часто-часто. Мир сделался резче, ярче. Дыхание вдруг перехватило от сладкого предвкушения чуда.

– Ничего страшного, – мягко заверил его между тем молодой человек, стряхивая воду с пальцев. – Пустяки... – Красиво очерченные губы сложились в приветливую улыбку.

Радзинский усилием воли заставил себя отвести взгляд и принялся лихорадочно рыться в карманах в поисках носового платка. Платок, к счастью, нашёлся – чистый, тщательно отглаженный.

– Спасибо... – снова так мягко, деликатно. Радзинский вдруг ощутил стихийный прилив немотивированной нежности. Отцовский инстинкт, что ли, прорезался к тридцати годам? Паренёк был таким юным, тоненьким, хрупким. И ростом невелик – Радзинскому он едва доставал до плеча. А ещё эти светлые волосы, которые постоянно падают ему на лоб, и длинные, девчоночьи ресницы... «Маленький

принц», – мысленно умилился Радзинский.

– Куда ты в таком виде? – сочувственно пробасил он. – У тебя же пальто насквозь мокрое! Снимай. Я тебя отвезу...

– Я, вообще-то, в библиотеку хотел... в Ленинскую... Но теперь, как видно... – парень, улыбаясь, вздохнул и красноречиво развёл руками.

– Давай ко мне, – великодушно предложил Радзинский. – Я здесь буквально в двух шагах живу. Приведёшь себя в порядок и поедешь в свою библиотеку! – Не дожидаясь ответа, он решительно шагнул к молодому человеку и мигом растегнул его пальто, едва не оборвав пуговицы, поскольку петли, прорубленные в грубой колючей ткани, оказались ужасно тугими. Не ожидая такого натиска, тот машинально повернулся спиной, позволяя незнакомому человеку раздеть себя прямо посреди улицы.

– Студент? – Пальто отправилось на заднее сиденье.

– Аспирант. – Молодой человек бесстрашно шагнул в лужу, не дожидаясь, пока машину отгонят на сухое место. То же пришлось сделать и Радзинскому – больше до машины добраться было никак нельзя.

– Как зовут?

– Николай.

– А меня – Викентий. – Радзинский протянул своему новому знакомому руку и осторожно пожал его хрупкую на вид кисть. На безымянном пальце Николая блеснуло золотое обручальное кольцо. «Неужто он женат?» – поразился Радзин-

ский. – «Ребёнок ведь совсем!».

В мокрых ботинках было на редкость неуютно, но это было мелочью по сравнению с тем чувством неловкости, которое Радзинский испытал, поймав на себе изучающий взгляд сверкающих стальных глаз юного аспиранта: неприятная щекотка пробежала по позвоночнику и исчезла, когда Николай отвернулся.

Нервно щёлкнув зажигалкой, Радзинский закурил, надеясь таким образом отвлечься от мыслей о свалившемся на него из ниоткуда радужном мальчишке, но, заметив, как тот украдкой отмахивается от табачного дыма, смутился окончательно и, сделав пару затяжек, вышвырнул окурок в окно.

Аспирант ушёл мыть голову и пропал. Радзинский уже извёлся – безумно хотелось с ним пообщаться. Непонятно, правда, на что он надеялся – ждать откровений от дежурного разговора за чашкой чая довольно глупо. Но Радзинский был уверен, что сумеет «зацепить» аспиранта – не было ещё случая, чтобы человек, от которого ему что-нибудь было нужно, сорвался с крючка. Обычно люди, в которых Радзинский был заинтересован, легко попадали под его влияние и охотно делали то, что он им предлагал. А здесь и корысти-то никакой не было – просто познакомиться поближе.

Своим видениям, своему чутью Радзинский доверял без-

оговорочно, и упускать такого необычного человека, как этот парень, не разобравшись, в чём суть его феномена, не собирался. Может быть, вот оно – то, что он столько лет искал! Вот потенциальный единомышленник и соратник! Ну, и пусть это всего лишь мальчишка! Никогда не знаешь, кто перед тобой на самом деле – в этом за годы скитаний по миру российской эзотерики и оккультизма Радзинский успел убедиться.

Времени, между тем, прошло уже немало. Даже если гость мыл отдельно каждый волосок, он бы, ей Богу, уже управился! Радзинский двинулся на поиски. В ванной аспиранта, конечно же, не оказалось – только небрежно заткнутое за батарею полотенце напоминало о его пребывании здесь. Тонкий мальчишеский силуэт мелькнул за приоткрытой дверью кабинета.

– Так вот где ты пропал! А я на кухне тебя жду... – хмыкнул Радзинский, неслышно входя в комнату.

Его низкий бархатный голос заставил Николая вздрогнуть. Тот нервно обернулся, и Радзинский снова невольно залюбовался: окружающее нового знакомого сияние полыхнуло в полумраке кабинета, широкими волнами распространяя вокруг мягкие радужные переливы и нежное, ласковое свечение.

– Я... заблудился немного, – сдержанно улыбнулся Николай и снова заворожено уставился на книжный шкаф. Его светлые, свежeweмытые волосы распушились и теперь золо-

тились на солнце, тонким лучом скользнувшим меж неплотно задёрнутых гардин. Казалось, вокруг его головы сияет нимб.

Радзинский ухмыльнулся. Небрежно стряхнул пепел сигареты в чугунную пепельницу, которая уже не один десяток лет стояла здесь, на зелёном сукне старинного письменного стола. Квартира досталась ему от деда. Вместе с антикварной мебелью, бронзовыми люстрами и роскошной библиотекой. Здесь было на что посмотреть. И, похоже, благодаря этому обстоятельству, не нужно больше ломать голову, как продолжить неожиданное знакомство – аспирант без книги отсюда не уйдёт. А если так – значит, вернётся...

– Вы... позвольте мне взять несколько книг? – в ту же секунду подал голос Николай, как будто почуял молчаливое одобрение своих намерений со стороны владельца. – Для работы... Мне тогда и в библиотеку было бы не надо... – Он пристально посмотрел Радзинскому в глаза. – Я верну, – серьёзно добавил он.

– Не вопрос, – усмехнулся Радзинский, неторопливо затягиваясь и тонкой струйкой выпуская дым изо рта. Он протянул руку и, словно фокусник, вытащил из-за шкафа передвижную лесенку. – Буду рад искупить таким образом свою вину – ведь ты из-за меня не попал сегодня в Ленинку.

Восторг и обожание в глазах аспиранта стоили того, чтобы проявить щедрость...

– Ты на ниве какой науки пашешь, Николай? – поинтересовался Радзинский, прикуривая очередную сигарету. Он безо всякого стеснения жадно разглядывал своего гостя, подмечая множество новых деталей – например, что глаза у аспиранта всё-таки серые, а не голубые, как показалось в самом начале. Что рубашка его выглажена не слишком умело – об этом свидетельствовали наспех разглаженные «стрелки» – случайно пришпаренные утюгом складки на ткани.

Гость тихо звякнул чашкой, аккуратно опуская её на блюдечко.

– Исторической. А что? – взгляд слишком пронзительный и жёсткий для такого хорошенького мальчика.

– Был бы ты филологом, я бы тебе помог.

– Вы... филолог? – вежливо удивился Николай.

– Разве мы не на «ты»? – почему-то оскорбился Радзинский. Он с удивлением замечал, что последние полчаса балансирует на грани совершенно безобразной и недостойной истерики. Источником душевного дискомфорта, вне всякого сомнения, являлся аспирант. Как Радзинский не старался «зацепить» мальчишку – не получалось. Это выводило из себя. Ощущения были такие, будто запихали в тесную бочку и законопатили там – как не запаниковать?

Радзинский мог смело называть себя самородком –

до многих вещей он дошёл сам, своим умом, чисто интуитивно. В частности он практиковал весьма действенный, «авторский» способ управления другими людьми – как ни странно, поглощение и усыпление чужой воли достигалось искренним расположением к собеседнику, дружелюбием и лаской. Радзинский овладел этой техникой без особых усилий, настолько идеально она совпала с его собственным темпераментом. Он и раньше практиковал такой способ общения – особенно с теми, в ком был заинтересован – оплести, убаюкать, нашептать. Только теперь Радзинский ясно *видел*, как жертва, словно муха в меду, «тонет» в его энергетическом поле, как насыщается его вибрациями и начинает резонировать в унисон с его желаниями. Однако у Николая, судя по всему, был к подобным фокусам стойкий иммунитет – сознательно или нет, но он не давал втянуть себя внутрь чужой светящейся оболочки.

– Мы с Вами на брудершафт не пили, – с лёгкой усмешкой пробормотал дерзкий аспирант.

– Так давай выпьем, – мгновенно вспыхнул Радзинский. Он просто физически чувствовал, что его сказочное «обаяние» заперто внутри и не находит выхода – ни единой щёлочки. Это раздражало невероятно. Он злился и терял контроль над собой. В какой-то момент напряжение стало критическим и вдруг стихийно выплеснулось наружу жгучим солнечным протуберанцем. Но...

– Ненавижу состояние опьянения, – спокойно заметил

на его щедрое предложение гость и тут же поднялся. – Спасибо за чай. Мне пора.

В глазах у Радзинского на мгновение потемнело – как от удара по голове. Как будто его страстное желание «привязать» к себе аспиранта вернулась к нему тяжёлым, твёрдым бумерангом.

– Эй! Твои ботинки ещё не высохли! – с неожиданной для самого себя злостью крикнул он гостю вслед, всё ещё не веря, что тот, несмотря на все предпринятые усилия, ускользает.

– Они могут сохнуть до утра, – бесстрастно отозвался Николай из прихожей. – Как-нибудь доберусь.

– Ну и катись, – сквозь зубы тихо прошипел Радзинский.

Однако правила приличия требовали оторвать свою задницу от стула и проводить гостя до порога.

– Спасибо Вам огромное. Я позвоню. – Николай вдруг замолчал, и взгляд его сделался очень виноватым – видимо, свою обиду и злость Радзинский скрывал не слишком хорошо. – Я позвоню, – повторил Николай, преданно глядя в глаза гостеприимному хозяину. – И мой телефон не потеряйте. Я там, на листочке, ещё и адрес написал – всё-таки книги очень ценные...

Гора окурков в хрустальной пепельнице достигла рекордной величины – столько за один раз Радзинский обычно

не выкуривал даже когда садился за какую-нибудь срочную, занимающую всю ночь работу.

– Думаешь, я сумасшедший? – в десятый раз спрашивал он у замученного беседой Покровского.

– Нет. Ты не сумасшедший, – вздыхал покладистый друг. – Это я сейчас с ума сойду.

– И что ты посоветуешь? – не унимался Радзинский.

– Я посоветую тебе пойти домой и лечь спать. Утро вечера мудренее. Проснёшься завтра и с удивлением сам себя спросишь: «А что такого случилось-то? Из-за чего я вчера так переживал?».

– То есть ты считаешь, что это всё-таки просто моя фантазия? Да?

Покровский застонал и впечатался лицом в стол, вцепившись пальцами в свои коротко стриженные волосы. Его слегка вздёрнутый славянский нос сплюснулся о столешницу.

– Если бы речь шла не о мальчике, а о девочке, я бы решил, что ты влюбился, – мстительно заявил он. – Потому что столько бреда про прекрасные глаза, неземную чистоту и неприступность я никогда от тебя не слышал.

– Сволочь ты, Олежек, – серьёзно сказал Радзинский, сосредоточенно стряхивая пепел с сигареты в кружку с чаем. – Я перед тобой тут душу наизнанку выворачиваю, а ты в неё прицельно так наплевал...

– Радзинский, пошёл вон! – простонал Олег. Во взгляде

его была искренняя мольба. – Ты всю кухню уже прокурил. Мать ругаться будет.

– Не свисти, Олежек. Женщины меня любят.

– Так тебе она и слова не скажет, а пилить после твоего ухода будет меня!

– Бедняжка... – без капли сочувствия поцокал языком Радзинский.

– Кеш, ну чего тебе от меня надо, а? – с тоской возопил Олег. – Я же этого твоего аспиранта не видел! А даже если б и видел, всё равно ничем не смог бы тебе помочь! Это ты у нас чародей и кудесник! А я могу только слушать, какое ты там на этот раз сияние увидел, и кивать с умным видом!

Радзинский помрачнел и долго, тщательно ввинчивал окурок в блюдечко из-под сыра, поскольку пепельница была уже полна, что называется, под завязку.

– Не прибедняйся, родной, – прищурился он недобро. – Ты всё прекрасно понимаешь. И видишь, когда тебе надо. – Он поднялся из-за стола. – Спасибо за чай. Пойду, лягу спать – последую твоему совету...

– Ну, ты и наглец, Радзинский! – возмутился Олег. – Я тут битых два часа выслушиваю его бессвязные восторженные восклицания, сочувствую изо всех сил, и я же после этого ещё и плохой! Скотина ты неблагодарная – вот ты кто!

– Только не говори, что только сейчас об этом догадался, – ухмыльнулся нисколько не смущённый Радзинский. – Ладно, проводи меня...

В прихожей Радзинский, вздыхая, остановился перед небольшим зеркалом в массивной бронзовой раме. Собрался застегнуть куртку и застыл в задумчивости, рассеянно созерцая отражение пряжки своего брючного ремня. Покровский подождал деликатно, потом не выдержал и посоветовал с ехидцей:

– Хватит страдать. Позвони ему – этому своему аспиранту. Пригласи на свидание. Давай, как ты умеешь – цветы, шампанское, комплименты. Может, чего и обломится... – И ловко увернулся от обувной щётки, которая прицельно полетела ему прямо в лоб.

Проснулся Радзинский под чьим-то внимательным взглядом. Настороженно приоткрыв глаза, он увидел, что на краю кровати сидит его новый знакомый Николай. Аспирант молчал и задумчиво разглядывал Радзинского, словно пытался прочитать очень важную для себя надпись на незнакомом языке.

На сон это было мало похоже: ни один предмет в комнате не был искажён, сам гость выглядел вполне обычно. Радзинский даже разглядел маленькое пятнышко от варенья на его голубой рубашке – вишнёвого, судя по всему.

Николай по-прежнему молчал и хмурился, а потом вдруг потянулся к затаившему дыхание Радзинскому и тот ощутил

явственное прикосновение его прохладных пальцев к своему горлу. В следующую секунду Радзинский поперхнулся и закашлялся, выплёвывая на одеяло малоприятный по виду сгусток. Николай, страдальчески морщась, убрал своим платком эту гадость и ободряюще улыбнулся.

Радзинский приподнялся, намереваясь сесть – по постели скользнул яркий луч света. Пока сновидец соображал, что свет идёт из его собственного лба, будто там приклеен фонарь, Николай исчез – растворился в воздухе. А, может, просто вышел?

Радзинский рывком сел в постели и испытал мучительное чувство дежа вю: это второе пробуждение до мелочей повторяло предыдущее, только теперь в комнате он был один. Даже освещение совпадало: бледный утренний свет едва пробивался сквозь плотные шторы.

Потянувшись по привычке за сигаретой, Радзинский заметил на прикроватной тумбочке незнакомый потрёпанный фолиант. Он был раскрыт на середине. Радзинский успел понять, что текст на латыни и даже прочесть первую фразу «*In principio erat Verbum*», прежде чем том бесследно исчез. Курить резко расхотелось. Холодный душ в этой ситуации показался намного желаннее...

– Николай?

Хриплый, смачный кашель на том конце телефонного провода:

– Да, я слушаю, – по голосу легко догадаться, что аспирант жестоко простужен.

– Ты оставил у меня свой читательский билет. Наверно, выронил, когда чистил пальто.

– Спасибо. Я уж думал, что потерял...

– Я буду сегодня в том районе, где ты живёшь. Днём. Могу я зайти?

– Не хотелось бы доставлять Вам беспокойство, – заволновался Николай.

– Мне не трудно, – хмыкнул Радзинский. – До встречи.

Сердце колотилось как сумасшедшее, когда он парковался у ничем не примечательной пятиэтажки. Честно говоря, он не знал, как себя вести. Спросить в лоб: «Ты пришелец?». Радзинский был вполне на это способен. Конечно, он не думал, что его новый знакомый – гуманоид. Просто не знал, как серьёзно заговорить о том, что видит и не выглядит при этом идиотом. «Дорогой, ты мне снился сегодня...». Пожалуй, после такого вступления аспирант закроется в ванной и не выйдет оттуда, пока не прибудет подкрепление. А в том, что Николай – особенный, Радзинский больше не сомневался. Вон сколько людей идёт по улице, и никто из них не сияет, как утреннее солнце. За всю свою жизнь Радзинский не встречал ещё человека, который бы так притягивал его. И так безоговорочно соответствовал критериям его мисти-

ческого поиска. Упустить? Отступить? А жить-то после этого зачем?..

– Вы всё-таки приехали! Из-за билета... – Похоже, измождённый болезнью Николай расстроен тем, что доставляет кому-то беспокойство. – Я могу Вас заразить, – хрипит он и красноречиво показывает на замотанное шарфом горло. Но взгляд Радзинского упирается в крохотное пятнышко от вишнёвого варенья на его голубой рубашке и рука сама тянется за сигаретой. – Нет! Пожалуйста, не курите – в доме ребёнок! – Николай начинает кашлять так надрывно, что Радзинский, не раздумывая, скидывает с себя куртку и подталкивает страдальца в сторону кухни.

– А ты поменьше в мокрых ботинках по улице бегай! Здоровее будешь. – Это справедливое замечание аспирант игнорирует...

– Чаю? – обречённо спрашивает Николай – ясно, что бесцеремонный гость так просто не уйдёт. – Я работал, – кивает он на книжные завалы на столе.

– Тебе лежать надо, герой! – Радзинский встряхивает чайник – воды на донышке – и уверенно шагает к мойке, чтобы наполнить его. Потом решительно закрывает одну за другой все книги и тетради, громоздящиеся на столе, и складывает их аккуратной стопкой. Аспирант следит за ним потрясённым взглядом, который, видимо, задуман, как испепеляющий. «Сказать ему, что при такой смазливой физиономии это, скорее, умиляет, чем пугает?» – размышляет Радзин-

ский, усмехаясь про себя. – Температуру мерил? – он фамильярно кладёт ему на лоб свою внушительную ладонь. – Где градусник?

Всё-таки у хлипкого аспиранта огромный запас терпения – или воспитан так хорошо. Он делает над собой усилие и тычет пальцем в сторону шкафчика:

– Там.

– Отлично... – Радзинский заодно перебирает лекарства и выкладывает на стол аспирин и фурацилин. – Ложись в постель, – он встряхивает градусник и протягивает его Николаю. – А я через десять минут приду и проверю, сколько намерилось.

– В этом нет необходимости. – Вот так вот – аспирант только с виду белый и пушистый, а внутри – стальной. Вон каким ледяным взглядом окатил! Он спокойно берёт градусник, садится у стены и, расстегнув пару пуговиц, суёт его под мышку.

– Ладно, – хмыкает Радзинский и отворачивается к плите. Проверив наличие заварки, он открывает посудный шкафчик и окидывает взглядом чашки. – Эта твоя? – рука сама тянется к тонкой фарфоровой чашечке с полустёршейся позолотой и, едва пальцы касаются гладкой поверхности, внутри словно открываются невидимые шлюзы. На Радзинского обрушивается лавина информации о хозяине этого предмета. Он *видит*, он знает, он чувствует, что Николай расколот внутри ещё больше, чем он сам. Что тихий книжный

мальчик живёт в другой Вселенной. Послушный, правильный, скромный – а внутри такая сила, что непонятно, как он ещё не взорвался. – У тебя есть дочь? – хрипло спрашивает Радзинский, чтобы что-то спросить. – Катя. Ей одиннадцать месяцев. На тебя похожа... – Он поворачивается – аспирант равнодушно смотрит в стену.

– Я сам справлюсь. Идите, – холодно произносит он. – Дверь просто захлопните – её не надо запирать.

И Радзинский послушно удаляется. Даже не попрощавшись. И приходит в себя только на улице, столкнувшись с прохожим, выгуливающим огромного дога.

С ума сойти! Этот парень выставил его за дверь! Как игрушечного солдатика. Просто приказал. Тошно-то как... Анализировать то, что произошло – (Как он это сделал? Ладно, потом разберёмся...) – совсем не хочется. Обидно – ужасно. Зато предельно ясно, что на этот раз Радзинский не ошибся – этот мальчик настоящий Подарок Судьбы. Возможно даже, он представитель живой традиции. И он действительно многое может. А вот что он при этом *знает* – это вопрос. Но – шёлк не рвётся, булат не гнётся, Викентий Радзинский не сдаётся! Боишься, аспирант? Не боялся бы – не прогнал бы. Вот и рычаг давления... Разоблачим тебя – не отвертишься. А после этого никуда уже и не денешься, потому что того, кто много о тебе знает, надо держать к себе поближе. Подождём – пока ты книжки дочитаешь. А уж тогда – добро пожаловать!..

Кофе остывал. Молчание становилось тягостным. Покровскому сегодня совсем не хотелось шутить, а Радзинский с отвращением глядел на сигареты. Он бесцельно вертел в руках зажигалку и периодически чиркал ею, задумчиво созерцая похожий на лепесток крохотный язычок пламени.

– А чего ты хотел? – хмурился Олег. – Допустим, он чем-то таким, действительно, занимается. Зачем **ты** ему нужен?

– А зачем он ко мне приходил?

– Возможно, он не контролирует эту свою способность. А может быть, это был просто сон.

– Твою мать!!! – взорвался Радзинский и запустил в стену своей чашкой с недопитым кофе. Коричневые подтёки поползли вниз по выложенной кафелем стене. – Я в своём уме! Ясно тебе?! Ещё раз так скажешь, и я вышвырну тебя на хрен из своей жизни! Навсегда!!!

Покровский притих и, хотя был заметно обижен, проглотил оскорбление совершенно безропотно.

А Радзинский и не думал извиняться. Он достал, наконец, сигарету и некоторое время молча курил, мрачно глядя на безобразное коричневое пятно на стене своей кухни.

– Я первый раз в жизни встретил человека, который не *ищет*, как я, а уже нашёл и *прожил* это своё знание. Который *знает*, куда идёт. Который что-то *может*. – Про своих

азербайджанских друзей Радзинский благоразумно упоминать не стал. – Этот мальчик не треплется о том, чего не знает, не из книжек что-то там вычитал, а реально *может*, – зло процедил он, щелчком отправляя зажигалку на другой конец стола. – И я хочу знать, чем он дышит. И что он *видит*. Потому что в моём описании мира зияют огромные дыры. И я не могу так жить дальше. Мне казалось, что и тебе это важно – узнать Истину, какой бы она ни была. Кого мы встречали до сих пор? Маньяков, одержимых стремлением обрести сверхспособности? Так они у меня и так есть. Поверь мне, Олежек, суперспособности не приближают меня к ответу на вопрос «зачем я живу». А этот мальчик одним своим присутствием – приближает. И я не псих – или что ты там ещё про меня подумал...

– Второе, – обиженно отозвался Покровский и поспешно пригнулся, спасаясь от летящего в него блюдца от уже разбитой чашки. – И псих тоже, – хмуро резюмировал он...

Глава третья.Раз наставник, два наставник...

Эльгиз неожиданно позвонил и предложил встретиться. Теперь они сидели в какой-то подозрительной – тесной и тёмной – шашлычной, где их приняли, правда, как дорогих гостей и накормили действительно вкусно и щедро – по-кавказски.

Радзинский за последнее время довольно бойко научился изъясняться на фарси, но Эльгиз почему-то предпочёл беседовать с ним по-русски – возможно, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

– У меня есть Учитель, – веско сказал он, поднимая на Радзинского испытующий взгляд. Его тонкий нос с горбинкой, длинные ресницы и чувственный рот могли бы показаться излишне слащавыми, если бы не строгая седина в чёрных волосах и не серьёзный пронзительный взгляд тёмных глаз. – Ему уже много лет и он никуда не выезжает из Шеки. Он хочет с тобой встретиться. – Чёрная кожаная куртка Эльгиза слегка скрипнула, откликаясь на движение хозяина. – Оптимально, если ты навестишь его летом. Выкроишь пару

недель – хорошо, нет – не смертельно. Хватит и одного дня. Настоятельно рекомендую тебе не отказываться. Если бы ты знал, сколько народу обивает порог его дома в надежде увидеться с ним, ты бы понял, какая честь тебе оказана. Когда будешь готов – позвони. Поедем вместе.

– Спасибо, – сосредоточенно кивнул изумлённый Радзинский, который был уверен, что после его решительного отказа от ученичества азербайджанские друзья навсегда вычеркнули его из своей жизни. – Сделаю всё, от меня зависящее, чтобы эта поездка состоялась, – заверил он.

Эльгиз не смог удержаться от улыбки:

– Как ты теперь осторожно выражаешься...

– А как же! – ухмыльнулся Радзинский. – Я теперь тёртый калач...

Эльгиз был настоящим Мастером по части выбивания всяческой дури из головы. Пообщавшись с ним, любой начинал чувствовать себя голым, беспомощным и жалким. Радзинского в начале их знакомства он высмеивал и унижал совершенно беспощадно, но тот был живуч и рассудителен, и как-то умудрялся извлекать из этого пользу, становясь с каждым разом всё более недостижимым для эльгизовых атак. Так что зловерный кавказец довольно быстро оставил в покое его самомнение и только изредка позволял себе резкие выпады в сторону «противника» – так, чтобы тот не расслаблялся...

– Тебя что-то беспокоит, – неожиданно нахмурился Эль-

гиз. – Ты просто весь вибрируешь...

Радзинский сразу помрачнел и потянулся за спасительной сигаретой.

– Не знаю даже, как сказать... – Он как-то так неловко чиркнул зажигалкой, что она выскользнула из пальцев и чувствительно обожгла мизинец. Эльгиз, наблюдая, как Радзинский с досадой шипит какие-то ругательства сквозь зубы и дует на ожог, заметно оживился. Откинулся на спинку стула и с огромным интересом уставился на Радзинского, которого этот факт заставил напрячься ещё больше. Однако он сделал над собой усилие и мужественно закончил, – В общем, столкнулся я с одним человеком – крепко он меня зацепил... А он, похоже, не хочет со мной общаться...

– И чем же он тебя зацепил? – вежливо поинтересовался Эльгиз. Благодородная осанка, величавый наклон головы – натуральный шейх. Поневоле начнёшь заикаться от страха под пристальным взглядом такой царственной особы.

Что он там спросил – чем? Вот это сюрприз! Оказывается, Радзинский и сам не знает – чем. Теперь-то он понял, какими бредовыми, с точки зрения Покровского, должны были выглядеть его восторженные дифирамбы в адрес аспиранта.

Однако тянуть с ответом бесконечно – невозможно. Поэтому приходится нащупывать верные слова прямо в процессе.

– Это я и пытаюсь выяснить, – небрежно бросает Радзинский, всё ещё морщась от боли и посасывая обожжённое ме-

сто на злосчастном мизинце.

– Занятно, – усмехается Эльгиз. – Может, вместе попробуем? Очень хочется знать, на кого ты меня променял...

Радзинский удивлённо вскидывает брови, пристально всматривается в лицо собеседника, потом с облегчением выдыхает – Эльгиз шутит.

– Меня всё устраивало, – хмыкает он. – Ты сам меня выпер.

– Не меняй тему, – ласково напоминает Эльгиз.

– Ладно. Не обижайся потом, что ничего не понял, – нахально заявляет Радзинский и, наконец, закуривает. Эльгиз терпеливо ждёт. Пыхая сигаретой, Радзинский мычит невнятно, – В общем, он весь такой *нездесьний*: сияющий нимб, белоснежные крылья, всё такое... Но когда я к нему сунулся, он просто сказал открытым текстом: «Пошёл вон». И я пошёл...

– Это всё? – снисходительно смотрит на него Эльгиз.

Радзинский снова затягивается сигаретой и пожимает плечами.

– Я предупреждал...

– Попытайся ещё раз, – сочувственно кивает ему Эльгиз, и Радзинский чувствует себя последним идиотом.

– Хорошо. – Он подвигает к себе пустое блюдо и долго, обстоятельно стряхивает туда сигаретный пепел. – Он меня поднимает. Над землёй. Так понятнее? – ехидно интересуется он.

– Намного, – Эльгиз насмешливо блестя глазами. – По-подробнее об этом, пожалуйста...

Радзинский несколько секунд возмущённо смотрит на него. Затем качает головой.

– Надеюсь, ты не издеваешься. В противном случае ты рискуешь сильно подпортить в моём благодарном сердце светлую память о тебе.

Похоже, Эльгиз в восторге.

– Как витиевато ты обхамил меня, Викентий! – умиляется он, складывая перед собой ладони. – Нет, я не издеваюсь. Мне действительно интересно. Судя по всему, этот человек – Проводник. Кроме того, его духовный уровень должно быть очень высок, если одно его присутствие оказывает на тебя такое мощное воздействие.

– Проводник? – настораживается Радзинский. – Это что ещё такое?

– На этот вопрос, я полагаю, ты и сам в состоянии ответить.

Радзинский озабоченно хмурится, потом вдруг решительно гасит сигарету.

– Спасибо. Ты мне очень помог, – серьёзно говорит он, вставая. «Боже мой! – стучит в голове. – *Проводник* – вот оно нужное слово! Рядом с ним ведь сердце из груди выпрыгивает, так резко меняется частота вибраций! Он точно тот, кто мне нужен!» – Насчёт поездки – созвонимся. Передай Учителю от меня низкий поклон и скажи, что я искренне благо-

дарен ему за приглашение.

– Викентий! – окликает его Эльгиз, когда, не дожидаясь ответа, Радзинский, наклонившись, торопливо сжимает его в объятиях и широкими шагами направляется к выходу. Тот останавливается и смотрит вопросительно. – Познакомишь? – хитро улыбается Эльгиз.

Радзинский, подозрительно прищурившись, замирает. Затем что-то, видимо, сообразив, раскланивается церемонно:

– Я передам Его Величеству Вашу просьбу об аудиенции... – И спрашивает жёстко, – Так ты за этим меня и позвал?

– Может быть... – Эльгиз делает неопределённый жест своей изящной рукой. По глазам видно – Радзинский понял всё правильно. – Но насчёт приглашения – это не шутка...

– Ещё бы это была и шутка... – Радзинский раздосадован и встревожен своим открытием – у него есть конкуренты! Аспирантом интересуется не он один! Непостижимым образом о нём знает Эльгиз, а, значит, и те, кто с ним связан... Кто ещё? Он пару секунд пристально рассматривает коварного кавказца, потом резко разворачивается и, уже не прощаясь, выходит на свежий воздух – к спящему солнечному свету и оглушительному птичьему гомону.

«Прости, аспирант», – мысленно обращается он к Николаю. – «Обещаю, что через меня до тебя никто не доберётся». И, подумав, уверенно добавляет: «Но от меня ты никуда

не денешься. Дочитывай свои книжки»...

В родном институте было пустынно. Пахло нагретым на солнце деревом, старыми книгами, пылью. Радзинский, одетый с заграничным шиком, выглядел в этом замшелом интерьере совсем не академично и уж абсолютно не по-советски.

– Викеша, если текста не будет до конца недели – я с Вами больше не работаю, – любезно сообщил ловко схвативший его за локоток Мюнцер. Его живые чёрные глаза смотрели на Радзинского с юмором, и этот факт позволял надеяться, что хитрый старый еврей только пугает его суровыми крайними мерами.

– Исаак Израилевич, Вы же знаете, что я не подведу! – горячо заверил Радзинский, столкнувшийся с Мюнцером почти у самого выхода из института – сбегая по лестнице, он едва не сбил с ног шуплую птичью фигурку уважаемого коллеги.

Мюнцер склонил голову набок, ужасно напоминая какую-нибудь большеносую тропическую птицу – попугая или тукана – и ехидно заметил:

– Вы уж постарайтесь, Викентий Сигизмундович. Довольно уже на аспиранток распыляться. Помните у Толстого – Алексея Константиновича: «У курицы один и тот же вкус,

Что с чёрным ли хохлом она, что с белым!»... .

Радзинский от души расхохотался, глядя на Мюнцера с искренней признательностью – умел старый плут в двух словах обрисовать суть проблемы, которая состояла в том, что старший научный сотрудник Радзинский – шалопай и бабник. И выезжает только на врождённых способностях, природном очаровании и редкостном везении – баловень судьбы.

– Я работаю над этим. Честное слово, – ухмыльнулся Радзинский. – Но согласитесь, что один только вид красивой женщины парализует работу мозга – шансов устоять практически нет.

– Вы серьёзно полагаете, что человек думает *мозгом*? – снисходительно поинтересовался Мюнцер. И похлопал своими пушистыми ресницами – что ни говори, а глаза у него, действительно, были красивые.

Эти слова, скорее всего, были шуткой, но для Радзинского вопрос о степени свободы человеческих существ был большой темой, поэтому он, не задумываясь, ответил:

– У меня на этот счёт есть большие сомнения. Большинство людей – марионетки – сами не знают, что и зачем делают. Потянешь за ниточку и...

Мюнцер взглянул на него с интересом:

– Вы вольнодумец. Как я и предполагал.

– Так это была провокация? – расхохотался Радзинский.

– В некотором роде, – охотно согласился Мюнцер. –

И в связи с этим я посоветовал бы Вам быть осторожнее. – Улыбка внезапно исчезла с его лица, а взгляд стал непривычно жёстким. – Вы слишком много говорите – не там, где надо и не с теми. Вы меня понимаете? – нахмурился он.

Радзинский помрачнел.

– Даже так? – Он помолчал, переваривая эту неприятную информацию. – И на сколько же я наговорил?

– На парочку доносов хватило. Скажите спасибо, что с начальником первого отдела меня связывают давние дружеские отношения, а та склочная особа, которая эти пасквили настрочила, давно уже имеет стойкую репутацию человека не совсем психически здорового...

– Просто не знаю, как Вас благодарить! – с чувством выдохнул Радзинский, осознав, наконец, степень катастрофичности ситуации. – Спасибо огромное! – Он порывисто прижал ладонь к сердцу и страстно заверил, – Я Ваш должник...

– Пустяки, юноша, – отмахнулся Мюнцер. – Научный руководитель не бывает бывшим...

– Боюсь, что Вы скорее исключение из правила, – горько усмехнулся Радзинский. – И кому же я обязан столь пристальным вниманием к своей скромной персоне?

– А Вы приглядитесь к тем бойким дамам, которые работают с Вами в одном секторе, – добросердечно посоветовал Мюнцер. – К тем особам бальзаковского возраста, которые в силу действия возрастного фактора не вызывают у Вас резкий паралич головного мозга одним своим присутствием...

– Ясно, – коротко хохотнул Радзинский. Он смотрел теперь на Мюнцера с некоторой опаской. – Я приму меры...

– Какие, позвольте узнать? – насторожился Мюнцер.

– Хм... нестандартные... – Радзинский прикусил было язык, но – слово не воробей...

– Викеша, – прокашлявшись, вежливо начал Мюнцер. – Я уже давно хотел поговорить с Вами на эту деликатную тему. Желательно, конечно, не в этих стенах, но раз уж к слову пришлось... – Мюнцер поджал губы, с сомнением оглядывая атлетическую фигуру своего ученика – надо сказать, соответствующую самым высоким античным образцам фигуру. – К Вашей завидной активности не мешало бы приложить хотя бы немного благоразумия, – наконец, решился он. – В определённых кругах Вы уже стали знаменитостью. Вас это не пугает?

– Я не совсем понимаю... – пробормотал Радзинский, отказываясь верить, что, казавшийся абсолютно погружённым в науку, академичный, суховатый Мюнцер говорит с ним *об этом!* Впечатление такое, будто ходил до сих пор по заколдованному замку, и вот – чары спали. Все, кто находился вокруг, явились в своём подлинном и весьма неожиданном облике.

– Всё Вы прекрасно понимаете, – безжалостно гнул свою линию Мюнцер. – Вы хоть отдаёте себе отчёт в том, насколько Вы заметный?! С Вашими способностями, с Вашим напором, с Вашими внешними данными, в конце-то кон-

цов!.. – Он сердито ткнул Радзинского указательным пальцем в грудь. – А Вы осознаёте, как сильна зависть в этой среде?! И какими ужасными последствиями это может быть для Вас чревато?.. Нет, конечно, Ваша искренность в стремлении приобщиться к истинному *знанию* делает Вам честь, но зачем так откровенно подставляться под удар?! Самоуверенность – та же глупость, – горячился Мюнцер, насколько возможно сдержанно помахивая рукой перед носом онемевшего от изумления Радзинского. – Как умно Вы себя вели, когда были аспирантом! Я просто нарадоваться не мог, видя, как ловко Вы обходите все подводные камни на Вашем пути, как трезво, тонко – дипломатично, но при этом безжалостно – ведёте дискуссию. Как не даёте не малейшего шанса Вашим недоброжелателям неподдельным стремлением выполнить свою работу *безупречно*... Вы серьёзно полагаете, что, распив с кем-то пару бутылок водки, а затем снисходительно сообщив собеседникам, мол «лажа всё это – то, чем вы, ребята, занимаетесь», что, таким образом, Вы приобретаете себе союзников?!

– Я вообще не рассуждал об этом в таком ключе, – нахмурился Радзинский.

– Ну, да! Вы решили, что попали на другую планету, населённую честными и благородными *искателями Истины*, – ехидно заметил Мюнцер, склоняя голову набок.

– Уф-ф-ф... – Радзинский провёл по лицу рукой. – Пове- рить не могу... – Конкретизировать свои сомнения он не ре-

шился – всё-таки и у стен есть уши...

– Викеша... – Мюнцер взглянул на него умоляюще, умирительно сморщив при этом нос. – Успокойте меня – Вы ведь нашли, что искали? – Он смерил весёлым взглядом окончательно ошалевшего Радзинского и снисходительно пояснил, – Ваша, хм... светская активность в последнее время заметно снизилась. Напрашивается вывод, что Вы таки обрели свой Грааль. Я сейчас не имею в виду Ваши успехи в фарси... – многозначительно добавил он.

Потерявший дар речи Радзинский автоматически кивнул и Мюнцер со вздохом облегчения деликатно потрепал его по плечу.

– Рад за Вас. Надеюсь, мои предостережения не пропадут даром... – Он вопросительно выгнул бровь и, дождавшись от собеседника повторного кивка, бодро попрощался, – Так Вы обещали, Викентий! Чтоб к концу недели текст был...

К Покровскому Радзинский в этот раз не пошёл. Купил пива, разложил по тарелочкам закуску и устроился в мягком кресле у журнального столика в библиотеке. Сидел, смотрел, и ничего перед собой не видел. Осушая очередной бокал, он пытался унять внутреннюю дрожь, от которой самым натуральным образом тряслись руки. Боялся подумать и страшился поверить, что достиг желанной цели. Мюнцер –

старый, добрый Мюнцер, ненавязчиво опекающий его почти уже десять лет оказался частью того мира, куда Радзинский так настойчиво пытался проникнуть – получается, что с чёрного хода. У парадного все эти годы его терпеливо ждал Исаак Израилевич.

И Эльгиз... Интересно, они с Мюнцером знакомы?

Обида на этих двоих довольно быстро преобразовалась в ярость, и Радзинский кинулся к телефону. Он в бешенстве накручивал телефонный диск – то один, то другой номер – но снова и снова слышал в трубке только ровные, бесстрастные гудки. Это привело его в совершеннейшее неистовство, и он со злостью шваркнул телефонный аппарат об стену – тот с тихим звоном брякнулся на пол. Красный пластиковый корпус обзавёлся очередной внушительной трещиной – ну, да, Радзинский порой был крайне несдержан и это был далеко не первый случай, когда он терял над собой контроль и начинал швыряться вещами.

Осознав, что уровень освещения вдруг резко изменился, и теперь всё вокруг обволакивают блёклые сумерки, Радзинский чертыхнулся и пробежался по квартире, щёлкая выключателями – света нигде не было, значит, снова выбило пробки. Чувство вины заставило его присмиреть – опять психанул, и оставил весь подъезд без электричества. Вздыхая, Радзинский поднял с пола телефон, убедился, что тот работает, и набрал номер диспетчерской.

– Здравствуйте, девушка, – елеиным голоском проговорил

он. Перед его мысленным взором медленно проявился облик полной, крикливой дамы с короткими, пережжёнными перекисью волосами. Её неспешно поглощало вязкое, медовое облако. – Срочно нужен электрик. Конечно, записывайте адрес...

Пурпур рассвета медленно разливался за окном, когда Радзинский с хрустом потянулся и встал, наконец, из-за стола. Он не спал всю ночь. Попросту не ложился, чтобы к утру закончить работу. Зато теперь у него на руках был веский – на сотню машинописных страниц – повод посетить своего бывшего научного руководителя.

Но сперва нужно вытряхнуть из пепельницы окурки. Сварить себе кофе покрепче. От привычных монотонных движений ещё больше хочется спать. Крутые бока медной турки жарко горят на солнце – это зрелище тоже почему-то усыпляет. Кофе поднимается шапкой – так медленно, медленно... Чёрт! Едва не убежал...

Горечь обжигающего напитка бодрила, но не прогоняла сон окончательно. Радзинский подумал немного и добавил в кофе молотого чёрного перца – этот рецепт он позаимствовал у одного итальянца. Вкусно не было, зато сон как рукой сняло. Тем не менее, сесть за руль он не решился. Поехал на метро и задремал-таки под перестук колёс так сладко, что

едва не пропустил нужную остановку...

Мюнцер жил в старом доме дореволюционной постройки – жёлтом, с обшарпанной белой лепниной по фасаду. Кажется, здесь обитали ещё родители Исаака Израилевича. Во всяком случае, часть мебели в квартире была антикварной и выглядела так, словно выросла в обжитое пространство всеми своими оббитыми углами и резными завитушками.

– Викентий, как Вы не вовремя! – Мюнцер встретил его на пороге, запихивая в вырез уже застёгнутого пальто полосатый мохеровый шарф и зажимая портфель под мышкой. Прихожая за его спиной была погружена во мрак. Только из приоткрытой двери в конце коридора просачивалась полоска света, позволяя разглядеть ворох одежды на вешалке и изящные женские сапоги у стены, свесившиеся набок высокими голенищами.

– Я пытался до Вас дозвониться. Вчера, – мрачно сверкнул глазами Радзинский. Похоже, разговор откладывался – это раздражало его не на шутку.

– Как жаль! – сокрушённо завздыхал Мюнцер. Впрочем, сожаления в его взгляде при этом не было ни капли. – Сара, я ушёл! – крикнул он куда-то вглубь квартиры.

– Хорошо, – приглушённо донеслось в ответ.

Самое интересное, что жену Исаака Израилевича звали совсем не Сара, а Лидия Матвеевна. Но никак иначе Мюнцер свою супругу никогда не называл. Это было частью какой-то игры, в суть которой бывший ученик посвящён не был.

– Я принёс текст. – Радзинский хмуро протянул Мюнцеру картонную папку.

– Викентьюшка! – Исаак Израилевич, казалось, был расстроган. – Какое похвальное рвение! Кладите сюда – я по дороге как раз посмотрю. – Он раскрыл перед молодым коллегой свой портфель.

– Когда мы сможем поговорить? – угрюмо поинтересовался Радзинский, неотступно следуя за бодро сбегающим вниз по лестнице Мюнцером – стук мюнцеровских каблуков рассыпался по подъезду горохом, в то время как шаги Радзинского напоминали тяжёлую поступь Каменного гостя.

– Да хоть сейчас! – Исаак Израилевич радушно улыбнулся, толкая ведущую на улицу массивную дверь подъезда. – Что с Вашим лицом? – изумился он, разглядев, наконец, при дневном свете помятую физиономию своего протеже.

– Неважно. – Радзинский зачем-то пригладил свои роскошные русые волосы. – Я хочу спросить, зачем Вам понадобилось дурачить меня десять лет. Ведь Вы, получается, знали, чем я интересуюсь, и даже не попытались помочь.

– Викентий, – Мюнцер остановился и укоризненно поглядел в покрасневшие после бессонной ночи глаза Радзинского. – За эти десять лет Вы не задали мне *ни одного* вопроса, в ответ на который я мог бы сказать Вам что-то существенное на интересующую Вас тему. Из чего я делаю вывод, что не я должен наставлять Вас на путь истинный.

– Вот как... – У Радзинского как-то внезапно кончились

все аргументы. И гневный запал улетучился, оставляя после себя звенящую пустоту в голове. Тогда он просто повернулся и пошёл прочь прямо по щедро разлившейся по тротуару сверкающей талой воде, перемежающейся островками почерневшего снега.

Незнакомый человек с чеховской бородкой и кроткими оленьими глазами неожиданно преградил ему путь. Хлипкое интеллигентское телосложение не помешало ему вцепиться в рукав изумлённого Радзинского так, что не оторвать.

– Викентий! – Сзади налетел запыхавшийся Мюнцер. – Вы что – обиделись?! Почему Вы ведёте себя как ребёнок?! Митенька, отпустите его, – велел он незнакомцу. Тот послушно разжал пальцы, но продолжал смотреть на Радзинского настороженно, готовый в любой момент снова схватить объект при попытке к бегству.

– Эх, Викентий... Зря я Вам навязался вчера со своими советами... – тяжело вздохнул Исаак Израилевич, жалостливо глядя на своего великовозрастного питомца. – Садитесь в машину. – Он подтолкнул Радзинского в спину. – Будем исходить из того, что случайностей не бывает. Особенно в духовной жизни. Вы явно не принадлежите к нашей традиции, но судьба почему-то упорно нас сталкивает. Пора разобраться в этом вопросе...

В машине Радзинский уснул.

– Посидите пока тихонько. Я Вашу работу полистаю... – Мюнцер зашуршал страницами. Этой паузы было достаточно, чтобы крепкий сон мгновенно сморил Радзинского, как пригревшегося у материнской груди младенца.

«Коль доди, дофэк: питхи ли, ахоти, раэйати, йонати, таммати...»(1). Слова звучали, как заклинание. И голос произносящего их напряжённо звенел со всё возрастающим накалом. «Им тимцу эт доди, ма таггиду ло? Шэхолат ахава ани...»(2)¹.

Перед глазами возвышалась колесница. Она была такой огромной, что Радзинский не мог охватить её одним взглядом. Он чувствовал себя букашкой, которая упёрлась усиками в спицу колеса и для неё это – целый мир. Само колесо для неё не существует. Как, впрочем, и колесница.

«Рошо – кетэм паз, кевцотав тальталим, шехорот каорэв, эйнав – кейоним...»(3). Почему-то было ощущение, что все части колесницы состоят из букв, как материя – из атомов. И каждая буква – отдельная вселенная. Радзинский почув-

¹ 1 "Голос возлюбленного моего, который стучится (в дверь): отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя..." – (древнеевр.). Песнь Песней, 5,2,2 "Если встретите возлюбленного моего, что скажете ему? Что я больна любовью..." – (древнеевр.). Песнь Песней, 5,8.

ствовал себя лёгким, как воздушный шарик. Он летел сквозь пространство и маленькие, большие, огненные, влажно мерцающие и льдисто поблёскивающие буквы неслись ему навстречу. Алеф, далет, мем(4). Йод, Хей, Вав, Хей... (5) Перед ним вырисовывался силуэт гигантского человека, восседающего на троне. Позвоночник этого существа напоминал дерево. Голову его венчала корона. Сердце Радзинского размягчилось от внезапно нахлынувшей жгучей любви к царственному незнакомцу и растаяло как воск. Он растворился в сиянии прекрасного венца и исчез в бесконечности. Эйн Соф...(6)²

Открыв глаза, Радзинский долго не мог понять, почему Исаак Израилевич Мюнцер выглядит так *неправильно*. Он помнил, что тот должен быть одет в светлую льняную хламиду и расшитый камнями нагрудник, а с пальцев его должно капать благоуханное масло. Сидевший сейчас перед ним щуплый человечек в неброском сером костюме был карикатурно носат, подвижен и весел. И ничем не напоминал

² 3 «Голова его – чистое золото, кудри его волнистые, чёрные, как ворон, глаза его – как голуби...» (древнеевр.). Песнь песней 5, 11—12.4 Буквы древнееврейского алфавита, из которых состоит слово «адам» – человек.5 Буквы Тетраграмматона – произносимого Имени Божьего.6 «Ничто», «бесконечность» (буквально – нет конца) – (древнеевр.). Последняя из сфирот в Каббале.

ту величественную фигуру, которая упорно возникала перед мысленным взором Радзинского.

Об этом вопиющем несоответствии пытливым востоковед напряжённно размышлял и в тот момент, когда садился, озираясь, под заинтересованным взглядом Исаака Израилевича на диване в собственной гостиной, (где непонятно как оказался). И когда шёл на кухню, куда Мюнцер молча его за собой поманил. И когда пил крепкий, заваренный старшим товарищем чай, утоляя неожиданно зверский голод заботливо приготовленными уважаемым коллегой бутербродами.

В памяти всплывали мифические, никогда в реальности не происходившие события. Незнакомые люди, чинно сидящие за столом. Во главе стола – Мюнцер, которого все присутствующие слушают с глубочайшим вниманием.

Радзинский откуда-то знает, что они собираются несколько раз в неделю – примерно в два-три часа ночи – и занимаются до утра – изучают Каббалу.

И что такое Каббала Радзинский тоже теперь знает – это *Карта* для тех, кто хочет вернуться *домой*.

– Я не вписался в Вашу компанию? – отрывисто спрашивает Радзинский. Мюнцер неопределённо пожимает плечами и ободряюще улыбается. – Я помню, что сам отказался, – хмурится Радзинский. – Заявил, что у меня другая... – Он замаялся – ему было неловко от этого высокопарного слова, но он всё-таки с усилием произнёс, – миссия... Узнать бы ещё, что я имел в виду, – опуская голову, уныло пробормо-

тал он себе под нос.

Исаак Израилевич неожиданно оживился.

– О-о-о! Вы очень скоро это поймёте! Если, конечно, сумеете расположить к себе одного ранимого, замкнутого молодого человека...

Глава четвёртая. Брудершафт

Несколько часов без перерыва молотить языком – утомительное занятие. Однако Радзинский сильно покривил бы душой, если бы сказал, что переводческое ремесло ему не нравится. Приятная усталость и чувство выполненного долга – вот что он сейчас испытывал.

Благоухая коньяком и заграничным парфюмом, он поднялся по лестнице в квартиру, неспешно развязывая по пути галстук, и почти не удивился, когда навстречу ему из-за поворота вышел Николай. Аспирант печально пересчитывал взглядом ступеньки, обеими руками придерживая на плече тяжёлую даже на вид сумку.

– Привет, – бархатисто мурлыкнул Радзинский. И расхохотался, когда тот в испуге отпрянул. – Что ж ты нервный такой, Николай Аверин? Книги хочешь вернуть? – он скользнул взглядом по сумке. – А чего ж не позвонил?

Николай ничего не ответил, только неопределённо пожал плечами, и полез в сумку, явно намереваясь рассчитаться с Радзинским прямо в подъезде.

– Ну уж нет! – громогласно возмутился тот, перехватывая

аспиранта за тонкое запястье. – Только в квартире и только под протокол! – Он развернул Аверина за плечи и подтолкнул вверх по лестнице.

Тому ничего не оставалось, как подчиниться грубой физической силе. Однако в прихожей он снова замер, явно не собираясь проходить дальше.

– Ну, что ты стоишь?! Раздевайся, давай! Или ты замёрз? – Радзинский со смехом завернул Николая в своё чёрное пальто – оно полностью скрыло его фигуру вместе с ботинками.

– Я спешу, – сухо сообщил Николай.

– Ой, ну вот только не надо врать! – отмахнулся Радзинский, сморщившись при этом так, будто съел лимон. – У тебя же на лбу крупными буквами написано: «Я никуда не спешу!». – Он забрал аверинскую сумку и унёс её в комнату.

Расчёт его оказался верен: через некоторое время следом за ним в гостиную вошёл Николай – без пальто и ботинок. Радзинский отвлёкся на секунду от раскладывания приборов на покрытом хрустящей крахмальной скатертью столе и удивлённо поднял бровь:

– А тапки?

– Сваливаются, – лаконично пояснил Аверин.

Радзинский снова согнулся от хохота, в изнеможении опираясь на стол.

– Присядь. Я сейчас. – Вытирая слезящиеся от смеха глаза, он подтолкнул гостя к дивану и вышел.

Вернулся Радзинский с шерстяными носками в руках.

– Надевай.

– Зачем? – осторожно отодвинулся Николай.

– Давно ли ты выздоровел? – сурово прикрикнул на него Радзинский. – Двух недель не прошло, как простыл! И не долечился, небось, студент...

– Аспирант, – вежливо поправил тот.

– Какая разница! Одно слово – ребёнок...

Николай прикусил губу, чтобы не рассмеяться и забрал у Радзинского носки. Наблюдая, как он зажигает на столе свечи, Аверин поинтересовался:

– Вы ждёте гостей?

Радзинский подмигнул ему и многозначительно усмехнулся:

– У меня сегодня свидание...

– Значит, мне лучше уйти? – с надеждой спросил Николай.

– Интересно получается! – возмутился Радзинский. – У меня же с тобой свидание!..

– Вы... пьяны... – наконец, догадался Аверин.

– Что?! – искренне развеселился Радзинский. – Пьян – это когда ноги не держат. А я могу хоть сейчас польку станцевать! – и он выпрямился, гордо задрал свой мужественный подбородок и уперев руки в бока. Чёрный костюм идеально облегал его атлетическую фигуру и даже болтающийся на шее развязанный галстук не испортил впечатление.

Николай смотрел на него скептически, и улыбка его становилась всё шире и шире.

– Хорошо – я пьян, – сдался Радзинский, опуская руки. – Но не сильно. И это ничего не меняет. – Он согнулся в галантном поклоне. – Прошу к столу...

Идеи, которые рождает вдохновение, всегда удачны. В самом деле – что Викентий Радзинский делает, если ему кто-то приглянулся? Правильно – действует. Жертву нужно очаровать, обаять, расположить, если надо подпоить, приручить и... получать дивиденды. Неужели проверенная на барышнях тактика не сработает в отношении упрямого аспиранта?

– Я не пью.

– Брось! Это же не дрянь какая-нибудь – это французский коньяк!

– Слишком крепкий для меня... Нет.

– Тогда немного вина. Вот – совсем лёгкое! Оно не креплёное даже! Его из Греции один епископ привёз – с Афона. Попробуешь?

– Правда, с Афона?

– Он так сказал, когда дарил – меня как-то командировали к нему переводчиком. С Ближнего Востока целая делегация церковников приезжала... Так, я наливаю?

– Совсем немного.

– Лехайим!

– Это иврит?

– Усвоил, аспирант... Быстро схватываешь! Отличник, наверняка?

– Стараюсь.

– И скромный такой... На брудершафт?

– В смысле?... Я всё равно не смогу Вас на «ты» называть.

– Глупости, Коля. Конечно, сможешь! Ну, давай, скажи: «Кеша, ты отличный парень!»

– Нет, Кеша, никакой ты не отличный парень. Ты манипулятор и бабник.

– О-о-о! Как ты заговорил-то студент!

– Аспирант.

– Какая к чёрту разница?! И, вообще, откуда такие воды?..

– Что вижу, то и говорю. Осторожно, Вы подожжёте скатерть.

– И что же ты видишь?

– Гипноз, чёрная магия, чрезмерная активность нижних центров.

– Гипноз?!!

– Хорошо – настойчивые попытки ввести собеседника в изменённое состояние сознания с целью дальнейшей манипуляции.

– Пойду, повешусь. Благо, потолки высокие.

– Вы... с ума сошли?! Оставьте в покое галстук! Викен-

тий!!! Хорошо, я выпью с Вами на брудершафт! Слезьте со стола! Кеша! Прекрати паясничать, ради Бога! Где твой бокал?

– Ты льёшь в эту огромную посудину коньяк.

– Какая к чёрту разница?!!...

Радзинский, казалось, никак не мог поверить, что в ответ на его бодрое «до дна!», раздавленный стрессом аспирант отчаянно опрокинет в себя бокал коньяка – наверное, две полных рюмки разом. И замрёт, зажмурившись и прижимая руку ко рту.

– Лимончик?

Аверин лихорадочно закивал, с благодарностью принимая посыпанный молотым кофе лимонный ломтик. Отдышавшись, он принялся рассматривать своего новоиспечённого «брата». Впервые лицо Радзинского было так близко, и он разглядел, наконец, его янтарные, кошачьи глаза – красивые, нахальные, светящиеся опасным хищным огнём.

– Ты похож на льва, – не слишком трезво усмехнулся Аверин. Действительно, тёмно-русые волосы Радзинского напоминали львиную гриву, да и во всей его внешности было что-то такое породистое, благородное. Ещё глаза эти...

Радзинский наклонился и осторожно поцеловал удивлённого аспиранта в плечо.

– Ритуал, – пояснил он. – Сплетаем руки, когда пьём, потом целуемся.

Аверин покосился на него недоверчиво, а затем приподнялся на цыпочки и чмокнул Радзинского в щёчку.

– И теперь мы братья? – усмехнулся он.

– Да, – торжественно подтвердил Радзинский. – Теперь мы братья.

– Здорово. – Аверин слегка покачнулся. – У меня никогда не было братьев.

– Бедный мальчик. – Радзинский поддержал его за локоть. – Может, лучше в кресло?

– Давай, – покладисто кивнул захмелевший аспирант. – А то я что-то устал...

До кресла Радзинский его не довёл – повинувшись внезапному порыву, повернул к дивану. Как оказалось, внутреннее чутьё его не обмануло. Едва затылок Аверина коснулся диванной спинки, Николай закрыл глаза и резко обмяк, бессильно уронив руки. Радзинский обратил внимание, какие синяки красуются у него под глазами.

– Не высыпaeшьcя, аспирант, – хмыкнул он себе под нос.

Несколько минут спустя, Аверин уже крепко спал, уткнувшись носом в принесённую Радзинским подушку. Кружева, которыми был оторочен пододеяльник, невесомо касаясь аверинских щёк, очень трогательно оттеняли его нежный младенческий румянец.

Радзинский снял ботинки, чтобы не топтать, и принял-

ся неслышно убирать со стола. Покончив с этим занятием, он погасил ярко освещающую комнату двухъярусную люстру и включил стоящий в дальнем углу рядом с креслом торшер – чтобы названный брат, не дай Бог, не испугался, проснувшись посреди ночи в незнакомом месте.

– Олежек, я его напоил...

– Кого? – голос Покровского в телефонной трубке спокоен, но неприветлив.

– Нашего аспиранта... – Радзинский хохотнул и покосился на плотно прикрытую дверь кухни. – Олежек, он мне прямо в лоб ляпнул, что я, дескать, манипулятор, бабник и чёрный маг. Нет, ну, ты скажи, это нормально?..

– Отрадно слышать, что хоть кто-то не стесняется говорить тебе правду в лицо... Кстати, что значит «напоил»?

– Это значит, что я довёл его до белого каления, он опрокинул в себя разом двести граммов коньяку и отрубился.

– Ну, ты и сволочь!

– Не отрицаю...

– И ты полагаешь, что это станет прологом вашей крепкой дружбы?

Слышно было, как Радзинский чиркает зажигалкой, прикуривая.

– Да ничего я не думаю. Так получилось. Зато я хоть че-

го-то от него добился. Неприятно, конечно, такое о себе слышать... Никогда бы не подумал, что я чёрный маг! Как тебе такое заявление?!..

– И почему я не удивляюсь?.. Но, если серьёзно – никакой ты не чёрный. Даже если и маг. Просто ты беспринципный, наглый и настырный...

– У нас сегодня вечер критики товарища Радзинского?

– Товарища Радзинского полезно иногда попинать, чтобы в чувство его привести. А то уж больно ты избалован фортуной. Это сильно тебя дезориентирует, Викентий. И ты теряешь чувство реальности.

– Которой реальности? – Радзинский зловеще усмехнулся. – Когда я вижу, за какую ниточку потянуть, чтобы человек нужную бумажку подписал – в самом деле *вижу* – это реальность? Когда я тяну, и он подписывает?

– Ты опять? Сколько раз мы это уже обсуждали!..

– Вот именно. А мне надоело обсуждать. Надеюсь, теперь у меня появится шанс *разобраться*.

– Ну, надейся...

– Обиделся?

– Ну, обиделся – ну, и что?

– Зря. Ты ведь тоже всегда хотел *разобраться*? Так? И чего ты теперь бухтишь?

– Ничего. Не нравится мне, как ты с людьми обращаешься. Прав твой аспирант. Надеюсь, он тебе хвост прижмёт...

– Да, я ведь не против, Олежек! Лишь бы толк был...

– Ну, тогда – удачи! Аспиранту...

Завтрак давно остыл, а Николай всё не просыпался. Радзинский уже несколько раз заглядывал в гостиную, но каждый раз видел только взъерошенную макушку укутанного одеялом аспиранта. Когда стрелки часов подоברались к полудню, Радзинский решил, что пятнадцати часов сна довольно даже для хронически невысыпающегося человека и отправился гостя будить.

Он присел на диван и мягко положил свою могучую руку на выступающее под одеялом худое мальчишеское плечо: Аверин лежал к нему спиной, свернувшись калачиком, и укрывшись чуть ли не с головой.

– Коля, просыпайся – день на дворе, – насмешливо пропел Радзинский своим умопомрачительно чувственным баритоном. Но оценить красоту его глубокого бархатного голоса было некому – аспирант продолжал спать, как будто все его сенсорные системы были полностью отключены и в данный момент попросту не функционировали.

– Коля, пора вставать! – Радзинский осторожно потряс аспиранта за плечо и развернул немного к себе, чтобы заглянуть ему в лицо. – Николай, ты в порядке? – встревожился он, заметив его неестественную бледность и подозрительно посиневшие губы. Пощупав аверинский лоб, Радзинский

в ужасе отдёрнул руку – таким холодным он оказался. – Коля, очнись! – Радзинский легонько похлопал гостя по щеке. В голове метались мысли одна другой страшнее: может, у аспиранта большое сердце и нужно было вызвать «скорую» несколько часов назад? Или аллергия на алкоголь? Он дышит, вообще?! Попытавшись нащупать его пульс, Радзинский впал в ещё большую панику – пульса не было!!!

Неизвестно, каких бы дров он наломал, но в самый критический момент Радзинский увидел в изголовье постели фигуру пожилого благообразного священника: в чёрном подряснике и с крестом на груди. Почему-то это было не страшно. Радзинский давно заметил, что, так называемые, видения, воспринимаются только рациональной частью его существа, не вызывая абсолютно никаких эмоций, зато принося невероятную ясность рассудку. В такие моменты ему не нужны были никакие объяснения – он просто *знал*, **что** видит и как это следует оценивать.

Убедившись, что Радзинский его заметил и внимательно за ним следит, священник молча показал рукой на грудь Николая – мерцающая и переливающаяся, внутри его тела светился яркий голубой шар. Повинуясь внутреннему импульсу, Радзинский прикрыл этот шар ладонью, чувствуя под ней живое, горячее биение такой интенсивности, что хотелось заорать от восторга, как это бывает от ощущения полноты бытия, когда вынырнешь где-нибудь на солнечном морском берегу – здоровый, счастливый, беззаботный. Он ясно понял, что со-

прикоснулся сейчас с самой сердцевиной аверинского существа. Вне всяких сомнений, Николай жив-здоров, просто находится в данный момент очень далеко и надо позвать его обратно. Плавно отстраняя ладонь, Радзинский принялся настойчиво выманывать упрямого аспиранта из глубины – голубой свет вытягивался следом за его рукой яркой сияющей нитью – и в какой-то момент почувствовал отклик. Николай сразу распахнул невидящие глаза и сел. Лицо его было покрыто испариной, руки дрожали. Не лучше выглядел и Радзинский. Несколько секунд он прожигал отчаянным взглядом своего злополучного гостя, а потом согнулся в изнеможении – словно переломился – и ткнулся лбом в укрытые одеялом колени аспиранта, которые тот машинально подтянул к груди.

– Господи! Как же ты меня напугал! – глухо простонал он. – Так бы и придушил, честное слово!

– Мой дедушка был священником, – отрешённо уставившись в пространство, рассказывал Аверин, задумчиво поглощая последние дольки шоколада. Измождённый, как после долгой болезни, взъерошенный, в помятой голубой рубашке – он ссутулился над столом и грел о чашку свои хрупкие, холодные пальцы. – Я был маленький, но прекрасно его помню. Как он вёл меня по улице за руку, а все прохожие

на нас оглядывались, как на инопланетян. Он не считал нужным скрываться и повсюду ходил в рясе и с наперсным крестом. Мне так нравилось его слушать! Сидеть у него на коленях, обнимать его... А с отцом моим у него были натянутые отношения. Но тот покорно терпел его визиты – не знаю, почему. Может, всё-таки – воспитание... Дедушка умер, когда я пошёл в школу. Помню – взрослые бродят по дому, суеются, разговаривают, а в красном углу под иконами стоит дедушка и улыбается мне. И больше никто его не видит. Только я... – Аверин глотнул чаю и смял в кулаке серебристую фольгу шоколадной обёртки. – Викентий, прекратите... – вдруг страдальчески поморщился он, – *прекрати* рвать меня взглядом на мелкие кусочки. Меня это, мягко говоря, нервирует.

Радзинский, нахмурившись, сконфуженно уткнулся в свою тарелку.

– Извини, студент, никак не могу успокоиться.

– Ас... – начал было Аверин, но быстро махнул рукой. – А, не важно...

Радзинский усмехнулся, скользнув по его фигуре одобрительным взглядом. Теперь Николай мало напоминал маленького принца: лицо его осунулось, скулы заострились. Глаза сверкали сталью – в них не было даже намёка на улыбку. Это отрезвляло. Для пущего эффекта Радзинский ещё и напоминал себе, как хладнокровно и с какой лёгкостью аспирант выставил его вон из своей квартиры – чтобы не расслаблять-

ся...

Николай между тем прикусил губу, о чём-то напряжённо размышляя, и, вздыхая, продолжил:

– В общем, отец был принципиальным атеистом – *сознательным*. Но способности-то никуда не денешь... Мне объяснили, – Николай выразительно указал рукой вверх, – что целительский дар чаще всего передаётся по наследству. Ну, он и придумал себе теорию, что человек, как вид, продолжает эволюционировать. Он постоянно мне втолковывал, что скрытые ресурсы организма просто ещё до конца не изучены и настанет время, когда каждый сможет управлять ими. И чем дальше, тем больше я убеждаюсь, что *в этом* он был прав. Все устроены одинаково, а, значит, *все призваны быть святыми* – понимаешь?

Радзинский отложил в сторону вилку и во все глаза увлечённо смотрел на вдохновенное лицо Аверина, вокруг головы которого полыхало яркое фиолетовое пламя.

– Понимаю. Это многое бы объяснило. А ещё это... воодушевляет...

Николай несколько секунд напряжённо всматривался в медовые глаза Радзинского, а потом вдруг улыбнулся – широко, открыто.

– Правда?

– Правда.

Очарование момента было грубо нарушено резким телефонным звонком.

– Это твоя жена, – нахмурился Радзинский. И пожал плечами в ответ на немой вопрос аспиранта. – Я всегда знаю, кто звонит. – И выкрикнул, уже в спину, сорвавшемуся с места Николаю, – Я позвонил тебе домой вчера вечером и сказал, что у нас с тобой срочная работа, и мы будем сидеть над ней всю ночь...

Глава пятая. Пророк в своём Отечестве

Наташа Аверина оказалась довольно милой миниатюрной шатенкой с хриплым, прокуренным голосом. Она, в отличие от Николая, позволила Радзинскому курить в кухне и задымила сама.

– Удивительно, – надменно изогнув бровь, проговорила она. – Не ожидала от моего недотёпы. До сих пор я была уверена, что у него нет друзей.

– Недотёпы? – спокойно прищурился Радзинский.

– А как ещё назвать человека, абсолютно не приспособленного к жизни? – Наташа брезгливо скривила аккуратно накрашенные губы. – Единственное, что у него хорошо получается, так это нянчиться с ребёнком: варить каши, стирать пелёнки и тетёшкаться с ней с утра до вечера. Так что я со спокойной душой смогла выйти на работу – и на том спасибо... Я побегу, – спохватилась она, бросая окурок в мочалку. – Хорошо, что меня сегодня согласились подменить.

Процокали каблучки, хлопнула входная дверь, и Радзинский от души затянулся сигаретой. От общения с аверин-

ской женой у него остался очень неприятный осадок – особой любви к супругу он в ней не заметил, и это почему-то остро резануло по сердцу. «Как же тебя угораздило-то, аспирант?» – с тоской подумал он, прикидывая, что Наташа, судя по всему, лет на пять старше своего мужа. Вздохнув, он затушил сигарету и направился на поиски Николая.

Квартирка была крохотной – две небольших комнаты – и Радзинский без труда отыскал своего нового приятеля. Комнаты оказались смежными, поэтому пришлось пройти через спальню. Там всё было безупречно: ни единой складочки на покрывале, ни одной лишней вещи, в воздухе витает аромат духов и едва заметный запах табака. Зато во второй комнате просто глаза разбегались от обилия раскиданных повсюду пёстрых, ярких предметов. За балконной дверью полоскались на ветру разноцветные ползунки и пелёнки с забавными котятами и утятами, на широкой, низкой тахте поверх небрежно расстеленного розового атласного одеяла набросаны резиновые зайчики с обгрызенными ушами, кубики и погремушки. В деревянной детской кроватке, прижимая к себе потрёпанного, но, судя по всему, горячо любимого плюшевого медведя, сидела хорошенькая малышка с пухлыми розовыми щёчками и сосредоточенно глядела на вошедшего блестящими серыми глазами.

Николай, закатав рукава, энергично орудовал утюгом. Стопка отглаженных детских вещей уже опасно покачивалась на краю гладильной доски. Заметив Радзинского, аспи-

рант широко улыбнулся и поставил утюг на пол. Выдернув штепсель из розетки, он перешагнул через стоящие посреди комнаты крохотные красные ботиночки и подошёл к кровати.

– Папа! – пролепетала девочка, потянувшись к Аверину. Счастливый аспирант, подхватив малышку на руки, понёс её навстречу Радзинскому.

– Давай познакомимся с дядей Кешей. Смотри, какой он большой...

Девочка нерешительно потрогала «дядю» своими тёплыми, пухлыми пальчиками за кончик носа. Её маленькая ладошка трогательно пахла молоком. Радзинский перехватил эту ручку и почтительно поцеловал. Девочка сразу застеснялась и прижалась к отцу, обвив его шею руками. При этом она так кокетливо стреляла глазками в сторону незнакомца, что Радзинский невольно восхитился.

– Екатерина Николаевна? Рад с Вами познакомиться, – проворковал он сладким, бархатным голосом. – Вы очаровательны... – И он склонился в почтительном поклоне, чем, похоже, покорило сердце аспиранта окончательно и бесповоротно. В увлажнившихся глазах Аверина явственно читались восторг и благодарность.

– Папа должен сварить тебе кашу, – отстранив от себя малышку, доверительно сообщил он ребёнку.

– Касю, – с готовностью повторила девочка.

– Да, «касю», – усмехнулся Аверин. – И поэтому мы все

сейчас идём на кухню. Викентий, не могли бы Вы... – он засмеялся и поправился, – ты захватить с собой детский стул? – Он показал на высокий стульчик с деревянными бортиками и подставкой для посуды.

– Конечно. – Радзинский легко поднял стульчик и понёс его в кухню.

Пока Аверин гремел кастрюлями и сосредоточенно отмерял ложкой крупу, Радзинский тихо возился с малышкой. Когда со стульчика она перекочевала к «дяде Кеше» на колени, аспирант поначалу нахмурился, но, убедившись, что дочери нравится бесхитростная игра в «козу рогатую» и она радостно повизгивает, когда «коза» пытается её забодать, перестал отвлекаться на шум у себя за спиной. В результате возвращаться обратно на стульчик ребёнок не пожелал, и кормить её пришлось прямо на руках у Радзинского. Аспирант был недоволен – то ли ревновал дочь к чужому дяде, то ли просто не любил подобных нарушений протокола.

– Открывай ротик, – строго потребовал он, поднося ложку к губам девочки. Та проворно отвернулась, уткнувшись «дяде Кеше» куда-то в подмышку, и с любопытством выглядывая оттуда. Николай бессильно опустил руки. Направленные в этот момент на него взгляды были подозрительно похожи – хитрющие, лукавые и по-щенячьи игривые.

– А, может, меня тогда покормим? – весело подмигнул Радзинский, искренне сочувствуя аспиранту.

Аверин смерил его задумчивым взглядом, потом вздох-

нул, достал из ящика вторую ложку, и, зачерпнув каши, серьёзно скормил её своему находчивому товарищу.

– А можно ещё? – у Радзинского от смеха блестели глаза. – Честное слово, ничего вкуснее в жизни не пробовал, – облизываясь, чистосердечно признался он. – Когда в следующий раз у меня заночуешь, готовить завтрак будешь ты!.. – Новая порция каши, которую Аверин с чувством затолкал ему в рот, заставила его замолчать.

Катюша заволновалась.

– Тебе тоже дать? – сурово спросил её отец, и она усердно закивала.

Следующие десять минут Аверин усиленно работал ложкой, пихая дочери в рот кашу так сосредоточенно и усердно, словно проводил сложнейшую хирургическую операцию в полевых условиях. Когда тарелка опустела, он вытер пот со лба и выдохнул с облегчением.

– Спасибо, – с благодарностью кивнул он Радзинскому.

Тот расхохотался.

– Что дальше?

– Дальше на горшок и спать, – устало сообщил Аверин и с удивлением уставился на Радзинского, который зашёлся в припадке истерического смеха. – Ну, и балбес ты, Викентий, – покачал он головой, когда сообразил, в чём дело. – Нет, в этом случае показывать пример от тебя не потребует-ся...

– Нет на свете прекраснее зрелища, чем мирно спящий ребёнок, – тихо произнёс Николай, зачарованно глядя на спящую дочь. – Я бы сказал, что это универсальный символ нашего мира. – Он поднял глаза на Радзинского и у того аж мурашки пробежали по спине от этого взгляда – такое в нём светилось вдохновение. Как будто не в человеческие глаза довелось заглянуть, а в бездонные туннели, через которые лился свет иной реальности. От этого ощущения просто дух захватывало, и Радзинский, чтобы скрыть волнение, машинально потянулся за сигаретой.

– Викентий... – устало пристыдил его Аверин.

– Извини, – смущённо пробасил Радзинский. – Задумался...

– Чаю? – учтиво предложил аспирант.

– Не откажусь, – оживился Радзинский и, следуя за Авериным по коридору, жизнерадостно добавил, – Если ты собираешься готовить обед, с удовольствием помогу.

Аверин остановился и резко развернулся. Он глядел на гостя с искренним изумлением.

– Я не собираюсь готовить обед, – вежливо сообщил он после некоторой паузы. – Обычно я использую это время, чтобы немного поработать. Наташа обедает на работе с подругами... И потом – у меня и так ощущение, что я целыми

днями только и делаю, что стою у плиты. Кашки, кисельки и протёртые супчики у меня уже в печёнках, если честно, сидят...

Радзинский, конечно же, обратил внимание, что Николай упомянул в своей речи всех, кроме себя. Напрашивался вывод, что для себя он принципиально не готовил и никто другой, судя по всему, этого тоже не делал. Но Радзинский, когда ему было нужно, умел быть деликатным и эту тему благоразумно решил не развивать.

– Когда же ты диссертацию-то пишешь? – сочувственно поинтересовался он, выводя, таким образом, разговор на более безопасную тропу.

– Лучше не спрашивай! – нахмурился аспирант, снова направляясь в сторону кухни. – В основном, в библиотеке. – Он поставил на огонь чайник, разлил по чашкам заварку. – Моя бы воля – сутками бы оттуда не вылезал! А печатать готовые куски вообще приходится урывками. Ночью стучать на машинке я не могу, днём, когда ребёнок спит, тоже...

– Ну, с этим могу помочь, – не раздумывая, заявил Радзинский. – Я подобными условиями не стеснён, машинка у меня имеется и скорость у меня приличная... Если у тебя есть сейчас готовый текст, могу забрать и вернуть уже в отпечатанном виде.

Аверин заметно напрягся и некоторое время молчал, неспешно помешивая чай в своей белой фарфоровой чашке, похожей на цветок – водяную лилию, или распустившийся

лотос.

– Викентий, что Вам от меня надо? – наконец, с видимым усилием произнёс он.

– А я уже думал, что не спросишь... – усмехнулся Радзинский. – А на «Вы» – это потому что я снова впал в немилость?

Николай глянул на него с тоской:

– Нет. Потому, что мне надоел этот балаган. Я Вас совсем не знаю, но почему-то должен делать вид, что мы друзья. Совместное распитие спиртных напитков не делает людей ближе друг другу.

– А вот здесь ты ошибаешься, аспирант, – ухмыльнулся Радзинский. Уже не спрашивая разрешения, он достал из пачки сигарету и щёлкнул зажигалкой, прикуривая. – Алкоголь весьма способствует раскрепощению и, как следствие, сближению малознакомых людей.

– Допустим, – поморщился Аверин. – Однако к нашему разговору это имеет лишь косвенное отношение. Я задал Вам конкретный вопрос.

Радзинский внутренне съёжился и даже движения его замедлились, как будто ему требовались невероятные усилия, чтобы поднести сигарету к губам.

– Понимаешь, так всё достало – сил нет! – честно признался он, наконец. – Если продолжить и дальше так жить, как сейчас, впереди только более или менее торжественные похороны и больше ничего... Ну, что я тебе рассказываю!.. –

Радзинский нахмурился и глубоко затянулся терпким, смолистым дымом. – У меня долгие годы уже такое ощущение, будто я провалился в какой-то нескончаемый кошмар и не могу проснуться. И все вокруг спят с открытыми глазами. Я раньше думал – за границей по-другому. Всё то же!.. – Радзинский нервно взмахнул рукой – сигаретный дым призрачным шлейфом повторил рваную траекторию. – А теперь представь, что в этих условиях ты вдруг встречаешься с трезвым, осознанным взглядом бодрствующего человека. Ты мимо пройдёшь? Или побежишь следом? И как ты этому человеку объяснишь, что тебе от него надо? – Поскольку Аверин молчал, не поднимая на собеседника глаз, Радзинский некоторое время усиленно дымил, не находя в себе мужества первым прервать затянувшуюся паузу. Наконец, сделав ещё одну затяжку, он вдруг решительно утопил окурочек в чашке с чаем, вдохновенно встряхнул кистями рук и прямо из пальцев вытянул светящуюся розовую ленточку. Разложив её кольцом на ладони, аккуратными движениями придал ей форму цветка и протянул Николаю. – Давай дружить, аспирант, – через силу усмехнулся Радзинский.

Аверин с интересом взглянул на раскрытую ладонь, затем – внимательно – на гостя.

– Вы отдаёте мне свою энергию. Фактически, дарите мне себя. Я правильно понимаю?

– Ну, теперь хоть буду знать, как это называется, – жёстко ответил тот, не сводя с Николая напряжённого взгляда.

Аверин, похоже, сжалился, понимая, что сидеть так – с протянутой рукой – довольно унижительно. Он обеими руками – одной сверху, другой снизу – обхватил ладонь Радзинского и перевернул тыльной стороной вверх. Цветок остался в руке у Николая. Он крепко сжал его в кулаке. Заулыбался, взгляд его сразу потеплел. Когда Аверин разжал пальцы, цветка уже не было.

– Не делайте так больше, – доброжелательно посоветовал он. – По крайней мере, без особой надобности. Я смотрю, Вы часто этим пользуетесь, и это Вас истощает.

– Я по большей части из других ниточки тяну, – откровенно сознался Радзинский. – Очень помогает в жизни.

Аверин сразу нахмурился.

– Это мне и не нравится.

– И?

– Что – и?

– Я не должен больше так делать? Это твоё условие?

Аверин опешил.

– Я не собираюсь выставлять Вам условия. За кого Вы, вообще, меня принимаете?

– Ну, как сказать... За человека, который знает больше, чем я?..

– М-м-м... Вы ставите меня в тупик... – Глаза Николая заблестели от тщательно сдерживаемого смеха. – Честно говоря, я *ничего* не знаю. И о чём Вы говорите, не понимаю.

– Ой, ли? – неприязненно сощурился Радзинский. – Когда

ты чёрным магом меня обозвал, ощущение было такое, что ты знаешь, о чём говоришь...

– А-а-а, Вы об этом, – скромно потупился Николай. – Ну, это я погорячился. – Он улыбался при этом так лучезарно и светло, словно ангел. Если ангелы улыбаются, конечно... – Просто то, что Вы делаете – это магия. А любая магия – это насилие. Насильственное вмешательство. Даже в целительстве есть этот элемент. Например, прежде чем работать с пациентом, целитель включает его в свою ауру – понимаете, да?

– И?

– Что – и?

– Есть альтернатива?

Николай сразу занервничал – даже румянец обозначился на скулах.

– Конечно, есть, – сухо ответил он, надолго припадая к чашке с чаем.

– Какая? – терпеливо поинтересовался Радзинский, когда молчание затянулось.

Вместо ответа Аверин принялся бессмысленно переставлять располагавшиеся на столе предметы, пока потерявший терпение гость не отнял у него сахарницу и не отодвинул от него чашку. И ложку.

– Вы Евангелие читали? – собравшись с духом, спросил тогда Николай. И даже решился поднять на собеседника затравленный взгляд. Было очевидно, что он заговорил сейчас

о чём-то очень интимном, и что подобная откровенность для него мучительна.

– Нет, – успокоил его Радзинский, расслабляясь и приготовившись слушать: он прислонился спиной к стене и вынул из пачки сигарету – курение, как он искренне полагал, всегда помогало ему яснее воспринимать информацию. Но тут Аверин внезапно наклонился через стол и выхватил из рук Радзинского сигарету и зажигалку. Вид у него при этом был торжествующий. – Отомстил, аспирант? – усмехнулся Радзинский. – Ладно. – Он примиряющим жестом поднял верху руки. – Принимаю. Сижу смиренно, внимательно слушаю.

– А слушать нечего, – Аверин раздвинул губы в любезной улыбке. – Когда прочитаете, тогда и поговорим.

– Хорошо, – ошалел Радзинский. – Только где я его возьму?!

Николай снова отвёл взгляд. Он судорожно сцепил пальцы, хрустнув при этом суставами.

– У меня есть, – наконец, выдохнул он. – Только книга очень старая – от бабушки осталась...

– Мне ты можешь доверять, – слегка обиделся Радзинский. – Верну твою реликвию в целости и сохранности.

– Тогда подождите. – Аверин встал из-за стола и исчез за дверью. Через пару минут перед Радзинским лежал обёрнутый в пожелтевшую и протёршуюся на сгибах бумагу фолиант. – Вот. Читайте. – И помявшись немного, деликатно добавил, – А теперь я могу немного поработать? Ребёнок

скоро проснётся...

– Намёк понял, – хмыкнул довольный Радзинский, забирая книгу.

Натягивая в прихожей куртку, он придирчиво оглядел Аверина с головы до ног.

– Не пропадай, аспирант. Звони. И насчёт перепечатки подумай. Я ведь серьёзно предлагаю. И если уж ты так стесняешься использовать чужой труд – приходи и печатай сам. У меня будить некого...

Глава шестая. Тонкое искусство приручения светлячков

Взяв в руки Евангелие, Радзинский как-то сразу почувствовал, что читать эту книгу, дымя сигаретой, кощунственно. Именно так.

Приступая к чтению, он настолько сильно боялся, что книга не затронет в его душе никаких особо чувствительных струн, что готов был покривить душой, лишь бы не дать аспиранту ускользнуть. Он не остановился бы и перед тем, что бы притвориться заинтересованным, дабы не упустить свой единственный шанс сблизиться с этим невероятным существом по имени Николай Аверин. К счастью и огромному облегчению Радзинского врать самому себе не пришлось. Ощущение, как растворяется в воздухе и бесследно исчезает так раздражавшая его глухая стена, о которой Радзинский говорил когда-то Олегу, посетило пытливого востоковеда практически сразу, едва он углубился в чтение. Вот – только что – был снаружи и изнывал от жгучего желания проникнуть сквозь преграду, а мгновение спустя – уже находился внутри и видел всё именно таким, как грезилось в мучи-

тельно долгие минуты томительного ожидания.

Радзинский очень живо ощущал себя евангельским персонажем. Он практически не сомневался в том, что нашёл своего Учителя. Вот так вот – две тысячи лет спустя, почувствовал на себе его взгляд и услышал: «Следуй за мной».

Восприятие текста было абсолютно некритичным. Как в моменты *видения*. Радзинский просто *знал*, что всё, написанное в Евангелии – правда. Ему не нужны были доказательства. Хотелось только ещё больше подробностей, продолжения, новых свидетельств от тех, кто причастен к этой реальности... Он даже уснул в обнимку с Евангелием – прилёг, чтобы дать глазам немного отдохнуть, с наслаждением вытянулся на покрывале и мгновенно отключился, прижимая книгу к груди.

Снилось что-то светлое, грандиозное, вдохновляющее. И рядом был Николай – взволнованный и счастливый. С пробуждением все подробности из памяти стёрлись, однако душа всё равно пела, как будто в раю побывал...

– Здравствуй, аспирант. Приезжай в гости, а? – Радзинский едва дотерпел до десяти часов. Внутреннее чутьё подсказывало ему, что звонить раньше ни к чему.

– Мне ребёнка не с кем оставить...

– Вместе с ребёнком приезжай.

Пауза.

– Хорошо...

Только увидев на пороге квартиры запыхавшегося аспи-

ранта, одной рукой прижимающего к себе малышку, которая сосредоточенно тянула на себя его чёлку, а другой рукой вцепившегося в тяжёлую неповоротливую коляску, из которой с одной стороны свесилось одеяло, а с другой – уже знакомый плюшевый медведь, только тогда Радзинский сообразил, что упустил нечто важное.

– Коля... – страдальчески простонал он, с силой стукнув себя по лбу. – Ну, что ж ты не сказал! Я б за вами заехал...

Аверин искренне удивился:

– Зачем? Мне по дороге все помогали. И в метро, и в автобусе...

– Ещё и в автобусе?!.. – Радзинский почувствовал себя совсем гадко. – Проходи. – Он втащил в прихожую коляску, куда Аверин со вздохом облегчения сгрузил дочь. Та возмущённо взвизгнула и приготовилась заплакать, но Радзинский поспешно сунул ей в руки свои золотые наручные часы, которые так кстати валялись на полочке рядом с зеркалом.

– Дядя, – переводя с Радзинского на отца пытливый взгляд, констатировал смыслённый ребёнок.

– Да. Дядя Кеша. Он вчера приходил к нам в гости... – Аверин скинул на руки Радзинского своё пальто и принялся расшнуровывать ботинки.

– Тиси. – Девочка подняла свою новую игрушку повыше.

– Правильно – часы. Тик-так, тик-так... – серьёзно подтвердил Николай, стаскивая обувь. – Нам надо умыться. – Он выжидательно глянул на хозяина квартиры.

– Сначала тапки. – Радзинский кинул выразительный взгляд на ноги аспиранта. – Или опять носки принести?

Николай замер удивлённо, но через секунду понимающе рассмеялся:

– Давайте носки...

– Надо будет завести тапочки твоего размера... – Пока Николай возился с толстыми шерстяными носками, Радзинский перевернул его ботинок, чтобы узнать размер обуви миниатюрного аспиранта. – Тридцать восьмой? – изумился он. – Я в начальной школе такие носил...

– Это не повод для гордости, – ехидно заметил на это Аверин.

Радзинский одобрительно расхохотался...

– Вы прочитали, как я понимаю? – аккуратно поинтересовался Николай, рассеянно наблюдая, как сидящая у него на коленях Катюша слюнявит зефир и всё больше размазывает сладкую белую массу по своей довольной мордочке – её пальчики сразу стали невозможно липкими, также как и розовые щёчки – до самых ушей. – Мне показали, что Вы почти всё прочли – закладка лежала в самом конце, – негромко добавил он.

– Верно. – Радзинский пристально посмотрел в яркие, сверкающие сталью аверинские глаза. – Я Апокалипсис

не осилил...

– Теперь Вы поняли, о чём я говорил?

– Кажется, понял, – с готовностью закивал Радзинский. –

Но у меня куча вопросов...

– Почему вы не зададите их своему Учителю? – сразу перебил его Николай.

Радзинский изумлённо распахнул глаза.

– Учителю?

– Да. – Аверин кинул быстрый взгляд за его плечо. – Он стоит сейчас у Вас за спиной. Человек с Востока. У него иранские или персидские корни. Красивый. – Сдержанно отметил он. – Волосы с проседью. Около пятидесяти лет. Он говорит, что его зовут... Эль... Эльман? – Николай, напряжённо прислушался. – Нет – Эльгиз...

Радзинский, потеряв от подобного откровения дар речи, бессильно откинулся на спинку стула. Он испытывал острое желание закурить, но при ребёнке не мог себе этого позволить.

– Почему ты решил, что Эльгиз мой Учитель? – сухо откликнулся он после некоторой паузы. На душе было гадкое чувство, что коварный кавказец зачем-то дурачит мальчишку. Бессилие и тревога за судьбу беззащитного, доверчивого – пусть только на вид – Николая смешались в крепкий коктейль, который здорово шибал в голову – Эльгиза хотелось растерзать за его штучки.

– Я вижу, что Вы с ним связаны, – аспирант коснулся

своего лба кончиками пальцев, поясняя, что за «видение» он имеет в виду. – И это тесная связь – почти как кровная. Но Вы ему точно не сын. Вы не соединены пуповиной. Значит, он может быть только Вашим Наставником.

Можно ли создать подобную иллюзию? Пределов возможностей «наставника» Радзинский не знал и эта неопределённость до скрежета зубовного его раздражала.

– Это ближе к истине, – вынужден был признать Радзинский. – Эльгизу я, действительно, многим обязан – в плане духовного, так сказать, образования... – Не зная, правильно ли поступает, он вдруг рубанул откровенно. – Должен предупредить – ему что-то от тебя надо. Эльгиз спрашивал меня о тебе...

– Правда? – без особого выражения переспросил Аверин.

– Правда, – раздражённо бросил в ответ Радзинский, в сердцах швыряя на стол зажигалку, которую машинально вынул из кармана. Безучастный тон Николая показался почему-то обидным – как будто аспирант ему не доверял и за чем-то скрывал свои подлинные мысли и чувства. – Эльгиз сказал, что ты Проводник, – добавил он неизвестно зачем. Наверное, чтобы вывести Николая из равновесия.

– Ну, сказал и сказал... – Аверин с показным равнодушием пожал по-мальчишески худыми плечами, избегая встречаться с Радзинским взглядом. И сразу переключил своё внимание на ребёнка. – Боже мой! Что за поросёнок! – воскликнул он, разглядывая перепачканную зефиром малыш-

ку. – Немедленно умываться!..

Он резко поднялся. Радзинский тоже вскочил и предупредительно шагнул вперёд, проходя в коридор первым и распахивая дверь в ванную. Аверин слегка замешкался, не зная, как реагировать на подобную заботу, но послушно последовал за ним.

Мрачно глядя, как Николай энергично вытирает ладошки и личико умытого ребёнка, Радзинский поинтересовался:

– Зачем ты пришёл, аспирант? Если не хочешь разговаривать со мной откровенно?

Николай замер. Губы его обиженно дёрнулись.

– Это неправда, – тихо, но непреклонно ответил он.

– Что – неправда? – нахмурился Радзинский. – Я, например, готов тебе всё, как на духу, про себя рассказать. И на все вопросы твои ответить. А ты всё время боишься чего-то. И на каждую мою попытку хоть что-нибудь прояснить, отступаешь всё дальше в тень.

– Очень поэтично, – попытался улыбнуться Аверин.

– А главное – глубоко верно, – с вызовом заметил Радзинский, скрещивая руки на груди.

– А почему я должен Вам доверять?! – не выдержал аспирант. Впрочем, сорваться на крик он себе не позволил – просто заметно было, как он занервничал, бессмысленно теряя краешек кофточки ребёнка.

Радзинскому стало не по себе – он кожей чувствовал, как накатывает волна излучаемой аспирантом паники и пронзи-

тельной, чёрной тоски. Он осторожно забрал у Аверина полотенце.

– Ну, извини, – с искренним сожалением произнёс он. Хотелось Николая как-то успокоить – по голове погладить что ли... – Давай, ребёнка покормим, спать уложим и поговорим, наконец, нормально, – примирительно предложил он заметно напрягшемуся аспиранту и, не дожидаясь ответа, решительно направился в кухню. – Сегодня готовить буду я, – бодро заявил Радзинский покорно бредущему за ним Николаю. – Уверю, леди, – страстно шепнул он, наклоняясь к девочке. – Вы оцените моё кулинарное искусство...

Аверин прыснул от смеха, и Радзинский сразу вздохнул с облегчением – плохое настроение аспиранта почему-то камнем ложилось на сердце и становилось так тошно – хоть вешайся...

– Ну, как Вы не понимаете?! – громким шёпотом возмутился Николай. – Она проснётся, попытается слезть и упадёт!

– Мы кресла придвинем, – миролюбиво отвечал Радзинский.

– Со всех трёх сторон огромной двуспальной кровати?! Сколько в Вашем доме кресел?!..

– Хорошо. Что ты предлагаешь? – смиренно вздыхал го-

степриимный хозяин квартиры.

– Безопаснее всего уложить её спать в коляске. – Аверин половчее перехватил девочку, сладко посапывающую у него на руках.

– Но это же неудобно, – мягко возразил Радзинский. – Там тесно. К тому же из коляски, на мой взгляд, выпасть ещё проще... Давай – без ссору, без спору – положим её на диване. Смотри: тут спинка, высокие подлокотники, с этой стороны придвинем два кресла – она, даже если очень постарается, не сможет оттуда вылезти!

– Хорошо, – сдался Аверин. – Стелите на диване... Что Вы делаете?! – сдавленным шёпотом заорал он пару минут спустя, заметив, как Радзинский, вытянув из груди девочки голубую ниточку, наматывает её себе на палец. Тот даже вздрогнул от неожиданности.

– Так я сразу узнаю, если она проснётся, – растерянно пояснил он. – Мы же на кухне будем...

– Я и без Вас это узнаю! – всё также шёпотом рявкнул аспирант. – Немедленно отцепитесь от ребёнка!!!

– Ну, Коля... – покачал головой Радзинский, стряхивая с пальца светящееся волоконец. – Ну, ты и скандалист...

– Я... КТО?!.. – задохнулся от возмущения Аверин.

– Барышня капризная, – усмехнулся Радзинский. И потянул онемевшего от гнева аспиранта за рукав. – Пошли. На кухне продолжим.

– Продолжим *что*?!

– Препираться. Студент...

– Я не студент! Сколько Вам говорить?!

– А мне без разницы, – развязно подмигнул Радзинский и вышел из комнаты, не оглядываясь. Он и так знал, что Аверин никуда от него не денется.

Через пару минут тот обиженно притопал на кухню. Забился в самый дальний угол.

Радзинский только посмеивался, помешивая греющееся на плите жаркое.

– Хватит дуться, – примирительно, сказал он, выставляя перед Николаем тарелку. – Ешь.

– Спасибо, не хочу, – сдержанно ответил аспирант, сцепляя на коленях пальцы в замок.

– Не привередничай, – вкрадчиво предупредил его Радзинский. – Иначе мне придётся насильно в тебя еду запихивать. Я это сделаю – не сомневайся...

Аверин возмущённо поднял брови, но за вилку всё-таки взялся – видимо, поверил в серьёзность намерений своего нового знакомого.

– Очень на Вас похоже, – язвительно пробурчал он себе под нос. – Если не манипуляция, то прямое насилие...

– Ты такой вывод насчёт меня сделал? – с интересом глянул на него Радзинский, садясь со своей порцией напротив. – Ты поэтому так старательно меня избегаешь?

Николай ответил не сразу.

– Я Вас не избегаю – это во-первых... – бесстрастно заме-

тил он, методично обводя кончиком вилки розовый цветочек на покрывающей стол клеёнке. – А, во-вторых, если бы я сделал относительно Вас такие однозначные нелестные выводы, я бы даже в машину к Вам не сел. Да, Вы, скорее всего, и не остановились бы...

– Ну, так что же ты в итоге решил насчёт меня? – любопытно пытался Радзинский, отламывая кусочек хлеба и отправляя его в рот.

Аверин помолчал ещё немного, выписывая вилкой узоры по столу.

– Вы не такой как все, – неожиданно выдал он, поднимая голову и смело встречаясь глазами с обалдевшим от подобного отзыва Радзинским, который поинтересовался осторожно:

– Что ты имеешь в виду?

Николай ожёг собеседника пытливым взглядом и честно постарался объяснить:

– Мне периодически попадают по жизни люди с определёнными способностями – ну, Вы понимаете... – Аверин вздохнул и снова потупился, так что Радзинскому оставалось только разглядывать его светлую чёлку, мягкой волной ниспадающую на лоб. – Но... можно владеть гипнозом, какими-то техниками, позволяющими лечить, переживать невероятные состояния, или спать на гвоздях, уметь останавливать сердцебиение, закусывать стаканами и при этом быть... плохим человеком. Или несознательным. Не иметь в себе

Любви. Быть неспособным воспринимать духовное знание. Короче, магов и йогов – много, а людей мало-мальски высокого духовного уровня среди них – единицы.

– С ума сойти! – простодушно воскликнул Радзинский. – Ты озвучиваешь мои мысли!

– Я знаю, – усмехнулся Аверин, бросая на него быстрый взгляд и снова опуская глаза. – В общем... не хочется ошибиться... – Николай окончательно сник и даже вилку тихо опустил на клеёнку.

– Было? – понимающе спросил Радзинский, сочувственно оглядывая хрупкую фигурку аспиранта.

– Конечно, – слабо улыбнулся Николай.

– Кушай, Коля, – подбодрил его Радзинский. – А то ты совсем загрустил. В таком настроении ты ничего путного мне сообщить не сможешь. А у меня уйма вопросов! – захохотал он. – А насчёт промахов – я тебе столько могу порассказать!.. – развеселился он. – Вот недавно... Мы с Олегом – друг у меня есть – раздобыли адрес некоего УЧИТЕЛЯ – большими буквами такого учителя... Он нам с порога: «За водкой сгоняйте, ребята». Но у меня-то за плечами уже о-го-го какой опыт! Я с видом великого волшебника из каждого кармана по бутылке достаю – он меня сразу зауважал. Сидим, пьём. Он водку стаканами глушит – даже не закусывает – Великий Учитель – ты же понимаешь... При этом говорит что-то про осознание себя, про выход за пределы разума... Олежек приуныл. Он врач и столько пить не мо-

жет – у него сразу в голове начинает прокручиваться всё, что он знает об алкогольном отравлении. На работу опять же завтра... Но я-то на всё готов закрыть глаза, лишь бы до сути добраться. Я этого мужика с энтузиазмом расспрашиваю. А у него всё сводится к какой-то игре, к созданию экстремальных или, как минимум, некомфортных ситуаций, которые вытряхнут тебя из обыденности... И всё, мол, для этого годится – и водка тоже. Я мягко так ему возражаю, что в жизни и так проблем хватает, да и результат таких встрясок неустойчивый – не приближает он к Истине. И тут этот тип хрясь пустую бутылку об стенку и оставшуюся в руке «розочку» – Олегу к горлу. К стенке его прижал. С совершенно зверским выражением лица. Продемонстрировать, видно, решил свою систему обучения в действии. Не понравилось мне это – ну, ладно бы на меня бросился! Я бы потерпел такие эксперименты. В общем, соорудил я быстренько удавку, на шею ему накинул – он на пол упал, хрипит. При этом видит, что я к нему и пальцем не прикоснулся. Отдышался и злобно так заорал, какого хрена, мол, ты ко мне припёрся? У тебя и так всё есть и пошёл, мол, на... Не красней так, аспирант! – расхохотался Радзинский, заметив, что Николай, услышав нецензурное слово, заливается жарким румянцем.

Аверин поспешно опустил глаза. Рассказ увлёк его настолько, что, сам того не замечая, он почти опустошил свою тарелку. Радзинский в течение всей своей речи имел возможность – не без удовольствия, надо сказать – наблю-

дать, как широко распахиваются доверчивые глаза аспиранта и как растерянно он моргает, полностью погружаясь в описываемую ситуацию.

– Я бы попросил... – с достоинством выпрямляясь, сухо начал Николай, но Радзинский его перебил.

– Понял, понял... Не материться. Что ещё? Не курить? Излишества всякие нехорошие оставить... – веселился он.

Аверин взглянул на него с укоризной и Радзинский, покачиваясь со смеху, прижал руки к сердцу и горячо воскликнул:

– Да я на всё готов! Честно! Вот всё, что скажешь, аспирант! Если ты и вправду просветить меня сумеешь, да я же буду тебе ботинки целовать!..

Аверин испуганно втянул ноги под стул, чем окончательно добил Радзинского – он просто побагровел от смеха.

– Ко-о-ля... Ну, какая же ты лапочка!..

– Я в принципе понимаю, почему я после твоего визита Евангелие возле кровати увидел. Но вот почему текст был на латыни... – Радзинский сделал пару глотков чая и подвинул поближе к Аверину вазочку с конфетами, которые тот, увлекшись разговором, поглощал в каких-то невероятных количествах.

– С этим как раз всё ясно, – отмахнулся Николай, запихи-

вая в рот шоколадное лакомство. Глаза его возбуждённо блестя, он весь лучился невероятной энергией, и Радзинский рядом с ним чувствовал себя в сотни раз более живым, чем когда-либо до этого. – В этой квартире жил Ваш дедушка? Ну, вот... Он был католиком. У Вас же польские корни?... И это была не какая-то абстрактная книга, а реальный том, который когда-то лежал там, действительно, в спальне...

– Потрясающе... – задумчиво протянул Радзинский. И осторожно поинтересовался, – Коля, а что для тебя главное? Ну... что ты извлёк в первую очередь... из своего опыта?

– То, что смерти нет, – не задумываясь, уверенно ответил Николай. Он одним глотком допил чай и решительно отодвинул от себя чашку. Определённо, аспирант расслабился и почувствовал себя свободнее. Откинувшись на спинку стула, он удовлетворённо вздохнул и расстегнул пару пуговиц на рубашке. – Через год после смерти дедушки я оказался в больнице – аппендицит, ничего серьёзного... – Николай, погружившись в свои мысли, взъерошил пальцами волосы. – Но во время операции что-то пошло не так, в итоге – клиническая смерть... Не переживайте так, Викентий, – развесялился он, заметив, как Радзинский переменялся в лице. – Меня очень быстро откачали. – Он снова выпрямился на стуле, принимая более приличную позу – ноги под стул, руки в замочек на столе... – Но я за это время успел выйти из тела, побродить по больнице... Потом хотел пойти в какой-то

удивительно светлый мир, но дедушка не пустил. Он очень серьёзно сказал, что теперь я смогу бывать там сколь угодно часто, но умирать мне ещё рано. Тут меня шарахнуло – «умирать»?!! А у меня и в мыслях не было, что в данный момент происходит нечто такое драматическое со мной. Поглядел я на своё бедное тщедушное тельце и стало мне его так жаль... – Николай снова глубоко задумался и замолчал, прикусив губу.

– Ещё чаю? – деликатно кашлянул Радзинский.

– Н-нет, – встрепенулся Николай. – Вы извините, мне надо ребёнка проверить. – Он торопливо поднялся.

– Отлично, – покладисто согласился Радзинский. – А я пока посуду вымою...

На кухню Николай не вернулся. «Опять на мои книги облизывается», – усмехнулся про себя Радзинский, вытирая тарелки вышитым полотенцем – бабушка была рукодельницей и после неё осталось множество украшенных её умелыми руками предметов домашнего обихода.

Аверин, в самом деле, стоял возле книжных шкафов в кабинете. Заметив в дверях хозяина интеллектуальных сокровищ, аспирант с улыбкой помахал ему рукой.

– Простите за бесцеремонность. Не смог удержаться... – чистосердечно покаялся он.

– Всё нормально. Не извиняйся, – махнул рукой Радзинский. – Он бухнулся в кресло и закурил.

– Коль, я тебе жутко благодарен. За Евангелие, – осторож-

но заговорил он после нескольких глубоких затяжек. – У меня давно внутри что-то такое бродило, но я словами выразить не мог... А, главное – за таким Учителем я куда угодно пойду... Понимаешь?

– Понимаю, – серьёзно кивнул Николай. Глаза его в этот момент сияли как две звезды. – Я сам такой.

Радзинский пару секунд напряжённо всматривался в лицо аспиранта, а потом вдруг выдал:

– Хочу креститься.

– Что – вот так сразу?! – поразился Аверин, широко распахивая глаза. Он захлопнул книгу, которую держал в руках – в воздух взметнулось лёгкое облачко пыли. Усевшись в соседнее кресло, Николай положил книгу себе на колени и крепко вцепился в неё пальцами, как будто боялся упустить.

– А что – сразу нельзя?

Аверин помолчал немного, подбирая слова – он склонял голову то в одну, то в другую сторону, прикусывал губы.

– Вы понимаете, какой это риск?

– С кафедры попрут? – нахмурился Радзинский. – Ну, ничего – как-нибудь проживу...

Николай вздохнул сочувственно.

– Есть в Москве пара храмов, где у Вас не спросят паспорт... – осторожно сообщил он. – Антиохийское подворье, например. Они не подчиняются Московской патриархии...

– Здорово, – оживился Радзинский. – Я готов, хоть сей-

час!..

Николай залился звонким смехом. Он глядел на своего нового друга почти с нежностью.

– Какой Вы решительный... – он с улыбкой покачал головой.

– Так что? – настойчиво переспросил Радзинский, трянув своей львиной гривой. В этот момент он на редкость живо напоминал царя зверей – янтарные глаза горят жёлтым пламенем, мышцы сильного, гибкого тела напряжены и подтянуты, как перед прыжком.

– А ещё можно дома креститься, – неуверенно добавил зачем-то Николай, заворожено уставившись на горящего решимостью Радзинского.

– Тоже вариант. Но лучше в храме.

– К Крещению нужно готовиться, – серьёзно предупредил Аверин.

– Не вопрос, – упрямо мотнул головой Радзинский, не спуская с аспиранта глаз.

Тот вздохнул, отложил книгу и облокотился на журнальный столик, подперев подбородок сплетёнными в замок пальцами.

– А что Вам Эльгиз говорил? – полюбопытствовал он. – Из фундаментальных истин...

Упоминание коварного кавказца подействовало на Радзинского, как красная тряпка на быка.

– Дался тебе этот Эльгиз! – в сердцах воскликнул он, оза-

дачив своей страстной реакцией аспиранта. – Элик почище меня манипулятор будет, – недовольно пробормотал он, с досадой сжимая в зубах сигарету и старательно отводя взгляд. – Он, как сирена... Знал бы ты, как он стихи читает – заслушаешься! Вот я неплохо знаю язык – я сейчас фарси имею в виду – а он *им живёт*, он его чувствует. Мне никогда до такой степени в эти тексты не вжиться...

Мрачный, как грозовая туча, Радзинский, окружённый клубами сизого дыма, мог бы сойти сейчас за самого громовержца – ещё бы бороду, да волосы подлиннее... Аверин потряс головой, прогоняя это видение.

– А что за стихи? – осторожно поинтересовался он.

– Он особенно Низами любит. Пара его комментариев – и всё с ног на голову переворачивается! Сам читаешь – видишь одно, он читает – как будто тайный узор проявляется. И оказывается, что такие мистические глубины в тексте скрыты!.. – Радзинский сам не заметил, как в голосе его прорезалось вдохновение. – Элик, вообще, как волшебник – самые простые события в его изложении превращаются в мистику. Он как будто показывает тебе изнанку мира – вот оно, как на самом деле, посмотри... А ещё он меня подкупил тем, как он о Боге говорил. Из всех тех, кто встречался до сих пор на моём пути, никто не рассуждал о Нём, как о *живом* – какие-то унылые абсолюты... А Эльгиз говорил с такой страстью, с такой нежностью... Я теперь думаю, что те самозванные учителя, которые мне до Эльгиза попадались,

никогда *Его* и не знали...

– Опыт может быть ложным, – кивнул Аверин. – Но, по большей части, они просто на своём уровне... Извините, я Вас перебил...

– Не извиняйся без дела, студент, – усмехнулся Радзинский. – Я уже понял, что ты хорошо воспитан.

– Аспирант, – мягко поправил Аверин.

– Неважно. Так вот. Тот Бог, которого я узнал из Евангелия – это *мой* Бог. Понимаешь?

– Понимаю.

– Ещё мы говорили о *Пути*. – Радзинский помолчал немного, мысленно переживая свои встречи с «Наставником» снова. – Я так благодарен ему – за всё. Но... я вот только смотрю на тебя, и мне хочется идти с тобой туда, куда ты идёшь – даже не зная толком, чем конкретно ты занимаешься. А с Эльгизом мне просто интересно... Хамское заявление – да? – усмехнулся он, с иронией взглядывая на аспиранта, но тот рассеянно смотрел перед собой и непонятно было, слышал ли он вообще, что ему рассказывают. – Ко-о-ля... – насмешливо протянул Радзинский.

Николай встрепнулся и покраснел.

– Простите меня, – сокрушённо вздыхая, принялся извиняться он. – Я... мне пора... – Он поспешно поднялся, не забыв, правда, прихватить со стола книгу, которую любовно обнял обеими руками и трепетно прижал к груди.

– Куда?! – изумился Радзинский, вставая вслед за своим

гостем. – И ребёнок ещё не проснулся!!..

– Ничего, – вежливо улыбнулся Николай. – Она проспит всю дорогу, поверьте мне...

– Хорошо... – Радзинский растерялся, но удерживать Николая не стал. – В таком случае я вас отвезу, и даже не спорь...

Глава седьмая. Особенности неевклидовой геометрии

Выгружая из багажника разобранную коляску, Радзинский обратил внимание на вышедшего из подъезда внешне ничем не примечательного мужчину, за которым вилась шлейф необъяснимо неприятного психического аромата. Тот тоже бросил на возящегося с коляской Радзинского цепкий взгляд, поднял воротник и поспешил дальше. Запомнились его холодные, какие-то водянистые, светлые глаза, бледные тонкие губы и бесцветные волосы – словно призрак...

Поднявшись на нужный этаж, Радзинский хотел было уже толкнуть дверь, оставленную для него приоткрытой, но замер, прислушиваясь.

– Я не желаю видеть этого человека в своём доме **НИКОГДА**. – Голос Аверина звенел от едва сдерживаемых эмоций. Он говорил негромко, но каждое слово как будто выплёвывал с чувством. – Я уже говорил тебе всё, что я о нём думаю.

– И ты никогда не ошибаешься... – язвительно протянула Наташа.

Последовала короткая пауза. Когда Аверин заговорил, го-

лос его звучал на редкость холодно и безжизненно.

– Если ты не доверяешь мне, возможно, тебе следует поискать того, кто станет для тебя авторитетом.

«Дура баба», – однозначно заключил про себя Радзинский и не стал дожидаться, пока аверинская супруга выдаст очередную порцию яда – уверенно вошёл в прихожую, толкая перед собой коляску.

– Что это за тип мне навстречу попался? – весело поинтересовался он у напряжённо застывших друг против друга Николая и Наташи. – Противный такой. На мороженую рыбу похож. Это ваш сосед?

Судя по тому, каким яростным взглядом испепелила его аверинская жена, удар достиг цели.

– Викентий... Простите – как Ваше отчество? – брезгливо скривившись, обратилась она к гостю.

– К чему эти формальности? – бархатисто проворковал Радзинский. – Мы ведь с Вами ровесники. Я правильно понимаю – Вам тоже около тридцати? – с невинной улыбкой полюбопытствовал он. И не давая ей опомниться, сразу добавил, – Коляску здесь оставить?

– Спасибо огромное, Кеш, – серьёзно кивнул ему Аверин. Он потянул громоздкую люльку на колёсах на себя и, протиснувшись в образовавшуюся щель, остановился перед Радзинским. Пристально глядя на него снизу вверх, он твёрдо сказал, – Созвонимся. Ближайшие пару дней я занят, а потом – полностью в твоём распоряжении.

– Отлично. – Радзинский с заговорщицкой улыбкой протянул Николаю руку и, когда тот ответно сжал его ладонь своими холодными пальцами, небрежно прикоснулся левой рукой к пуговице на его рубашке – на груди Аверина осталось розовое волоконце. Радзинский ловко подправил его мизинцем – получился маленький светящийся крестик.

Аверин глянул на подарок и, сверкнув глазами, сдержанно произнёс:

– Я оценил.

– Тогда до встречи, аспирант, – хмыкнул Радзинский. Он поднял голову, чтобы попрощаться с Наташей, и встретил её задумчивый, внимательный взгляд. «А, может, не такая она и дура», – шевельнулась внутри противная мысль. – «Иначе чего она так в мальчишку вцепилась?». – До свидания, Наталья... – слегка поклонился он. И мстительно добавил, – Простите – не знаю Вашего отчества... Всех благ... – Он махнул рукой и шагнул за порог, аккуратно прикрыв за собой дверь. Никаких угрызений совести он при этом не испытывал.

За свою самоуверенность пришлось расплатиться в ту же ночь. Негодующая Наташа долго трепала Радзинскому нервы, по-хозяйски расположившись у него на кухне и смоля сигарету за сигаретой. Злобно сощуриив глаза, она цедила сквозь зубы какие-то жалкие угрозы, а под конец в бешен-

стве метнула в Радзинского нож, от которого тот с лёгкостью уклонился. Зато сама Наташа, вскочив со стула, поскользнулась на кафельном полу, грохнулась в полный рост и раскрыла себе череп. Уставший от её истерики Радзинский равнодушно наблюдал, как растекается по полу из-под головы аверинской супруги лужица тёмной крови, потом развернулся и ушёл.

Нельзя сказать, что этот «визит» как-то особенно смутил Радзинского, но уснуть потом долго не получалось. Пришлось накинуть поверх наспех натянутой рубашки куртку и выйти с сигаретой на балкон. Только промёрзнув, как следует, Радзинский с удовольствием забрался обратно в тёплую постель и сладко уснул.

Однако на этом кошмары не закончились: едва Радзинский задремал снова, как сразу попал в какую-то злонамеренно созданную иллюзию, из которой никак не мог найти выход – всё бродил по тёмным и узким коридорам. Эти скитания сопровождалось гнетущим ощущением, что всё происходит глубоко под землёй. Наконец, одна из дверей поддалась и распахнулась, но в тот же миг на голову Радзинскому обрушилась тяжёлая, пыльная портьера. Выпутываясь, он почувствовал, что задыхается – лёгкие как будто наполнились мелко рублёным волосом. Судорожно хватая ртом воздух, Радзинский мельком заметил фигуру уходящего человека. Тот обернулся и скользнул невыразительным взглядом прозрачных, водянистых глаз по его лицу. Радзинский

безумно разозлился, но догнать блёклого блондина, которого он, несомненно, узнал, ему было в тот момент не под силу – багровея от удушья и, теряя сознание, он сползал вниз по стене, за которую в отчаянии цеплялся немеющими пальцами.

Спас задыхающегося приятеля Аверин, который стремительно выдернул его из этого кошмара. Удивительно, как ловко управлялся в сновидении хрупкий аспирант с неподъёмным для него, на самом-то деле, богатырским телом Радзинского. Одним рывком переместив названного брата к неглубокому лесному ручью, он принялся горстями плескать ему в лицо не просто холодной – стылой, как из подо льда – водой. Радзинский даже на расстоянии кожей ощущал её ледяное дыхание. Но в полной мере он прочувствовал, до чего она студёна, когда Николай подтащил его к ручью поближе, перевернул и бестрепетной рукой окунул не ожидающего такой подлости Радзинского с головой в воду.

Это было ни с чем ни сравнимое ощущение – Радзинский словно дышал этой водой. И с каждой минутой его отпускало всё больше, дышать становилось всё легче...

Возвращение на поверхность было таким же резким и неожиданным, как и погружение. Аверин, придерживая тяжёлую голову Радзинского за затылок, провёл рукавом своей голубой рубашки по его лицу. Аспирант явно устал, но глаза его сияли, а улыбался он совершенно счастливой шалой улыбкой.

– Пить? – понимающе спросил он. Радзинский кивнул и Аверин, зачерпнув воды ладонью, помог другу напиться – вода была необыкновенно вкусной.

– Бросал бы ты курить, Викентий, – тихо сказал вдруг Николай, переставая улыбаться. – Он ведь порчу на смерть тебе сделал – загнулся бы ты вскоре от рака лёгких...

Радзинский внутренне содрогнулся и согласно кивнул, не открывая глаз – он наслаждался возможностью спокойно дышать полной грудью,пил лёгкий свежий ветер, растворялся в необыкновенно приятных ощущениях. Через некоторое время он вполне предсказуемо уснул – умиротворённый и счастливый. От рук и одежды Аверина терпко пахло кипарисом...

– Ну, и во что ты вляпался? – Это было первое, что Радзинский сказал, плюхнувшись рядом с Николаем на облезлую деревянную скамейку.

Тот напряжённо застыл на мгновение, но быстро справился с замешательством и величественным жестом сеятеля швырнул очередную горсть крошек в толпу копошащихся у его ног голубей. Ветер взметнул светлые аверинские волосы и уронил обратно на лоб – словно хотел поиграть.

– Здравствуйте, Викентий, – сдержанно поприветствовал Радзинского аспирант, не поворачивая головы. – Вас здоро-

ваться не учили?

– Здравствуйте, Николай Николаевич... – Получилось до-
вольно ехидно.

Аверин даже покосился на собеседника с интересом.

– Вас так сильно задевает мой стиль общения?

– А тебе так трудно окончательно перейти на «ты»?

Аверин вздохнул.

– Похоже, проще Вам уступить...

– Надеюсь, ты, правда, это понял, – ухмыльнулся Рад-
зинский. Он нагнулся и заглянул под аверинский локоть,
где скромно притулилась Катюша. – Катерина Николаевна...
Моё почтение... – сладко пропел Радзинский и легонько
сплюснул указательным пальцем её носик-кнопочку. В ответ
раздался звонкий смешок.

– Гуля! – доверчиво сообщила Радзинскому малышка.
Крохотная ручка нетерпеливым хватательным движением
потянулась в сторону голубя, который, самозабвенно курлы-
ча, кружился, подобно дервишу, в танце. Его хвост, похожий
на раскрытый кружевной веер, старательно подметал пыль-
ный асфальт.

Аверину пришлось придержать дочь, чтобы она не свали-
лась со скамейки.

– Подумаешь, гуля! – Радзинский весело заглянул в бле-
стящие катюшины глаза и заговорщицки ей подмигнул. –
Смотри, что у меня есть... – Он вынул из кармана пальто яр-
ко-жёлтого пластмассового цыплёнка, несколько раз повер-

нул ключик и поставил его на скамейку – тот запрыгал, стуча по деревяшке красным клювом.

Катюша радостно взвизгнула и схватила игрушку:

– Цыпа!

– Надо сказать: «Спасибо, дядя Кеша», – нахмурившись, пробормотал дочери Аверин.

– Пожалуйста, дядя Коля, – расхохотался Радзинский. – Так что вокруг тебя творится – может, объяснишь?

Аверин пожал плечами.

– Просто жизнь. Идёт своим чередом, – довольно холодно заметил он.

– Ты мне зубы-то не заговаривай, аспирант, – ласково проговорил Радзинский. – Давай, рассказывай, что за тип охмуряет твою супругу...

– Что Вы имеете в виду? – зловеще уточнил Аверин.

– Коленька, – снисходительно заметил на это Радзинский, – если я буду изъясняться эвфемизмами – делу это не поможет. Давай, будем называть вещи своими именами!

– А с чего Вы взяли, что это он «охмуряет» Наташу? – бесстрастно поинтересовался Николай. Не поворачивая к собеседнику головы, он методично швырял комочками хлебного мякиша в прожорливых голубей.

– Ты хочешь сказать... – Радзинский подавился так и не произнесенными словами. В самом деле, с чего он взял, что застал банальный, классический «треугольник»?

– Викентий, не лезьте в это дело, – сдержанно посоветовал

Аверин. – Вас это не касается.

– Ошибаешься, Коленька. Ещё как касается! – разозлился Радзинский. – Я достану этого уroda! Нельзя безнаказанно такие вещи оставлять!..

– Викентий... – Голос Аверина заметно смягчился. Он глянул на Радзинского сочувственно. – Вы в тысячу раз сильнее моей жены, как маг. Вам даже ничего не пришлось делать, чтобы защититься от её стихийной агрессии – Ваша сила сделала это за Вас... Но Линас...

– Значит, его зовут Линас?

– Да. Линас, если это Вас так интересует. Так вот – на его стороне знание. Этот человек опасен, потому что он не сам по себе – он существует внутри определённой *традиции*. И владеет весьма действенными техниками... Как Вы думаете, почему Наташа так им заинтересовалась?

Радзинский подумал секунду, потом приподнял двумя пальцами прядь светлых аверинских волос и радостно хмыкнул.

– Она просто промахнулась с нужным блондином – в первый раз. А теперь нашла, что искала!..

– Дурак ты, Кеша, – беззлобно огрызнулся Николай, выворачиваясь из-под тяжёлой руки самозабвенно хохочущего Радзинского.

Катюша сидела на шее у «дяди Кеши» – такого головокружительно высокого – и радостно взвизгивала, когда тот слегка встряхивал её, заставляя подпрыгивать у себя на плечах. Аверин ревниво косился на них, но молчал, поскольку не хотел быть снова обвинённым в занудстве. Вертя в руках игрушечного цыплёнка, он задумчиво трогал его лапки, которые с глухим щелчком возвращались в исходное положение, стоило сдвинуть их с места.

Солнце припекало почти по-летнему. Даже асфальт высох под его жаркими лучами – только из-под островков почерневшего снега вытекали тёмные, извилистые ручейки.

Изрядно взмокший Радзинский давно уже расстегнул пальто, полы которого эффектно взлетали, когда он пускался вскачь, изображая катюшиного мустанга. У подъезда «дядя Кеша» перешёл на шаг, чтобы отдышаться, и тут же замер, как вкопанный. Небрежно прислонившись спиной к его машине, на тротуаре стоял Эльгиз и скучающе рассматривал свои идеально ровные, ухоженные ногти.

– Викентий! – он вежливо улыбнулся и помахал рукой. – Извини, что без предупреждения... Ты не занят? – И тут же, не дожидаясь ответа, шагнул навстречу аспиранту. – Здравствуйте. Меня зовут Эльгиз.

– Николай.

Чарующая улыбка. Крепкое рукопожатие.

– Хочу поблагодарить Вас, Николай. – И минуты не прошло, а этот обаятельный мерзавец уже покровительственно обнимает аспиранта за плечи. – Викентий рассказывал мне о Вас, – эльгизова речь звучит так нежно, так вкрадчиво, – Я очень рад, что за ним теперь есть кому приглядывать. Мне кажется, Вы положительно на него влияете... – и вот аспиранта уже мягко увлекают к подъезду...

Радзинский отмер только тогда, когда Эльгиз, не оборачиваясь, поднял руку и прищёлкнул пальцами, словно подзывая официанта.

Вся кровь бросилась Радзинскому в голову. Если бы не ребёнок, сидящий у него на плечах, он бы точно сделал в этот момент какую-нибудь глупость. Например, с размаху засветил Эльгизу своим тяжёлым кулаком в челюсть. А так он просто пошёл следом – скрипя зубами и мысленно пиная коварного любителя поэзии носком ботинка в печень.

Глава восьмая. Три монолог о любви

Ребёнок плакал, Наташа, недовольная нарисовавшейся перспективой прожить две недели под одной крышей со свекровью, мрачно курила в кухне, Николай, словно не понимая, что на поезд можно опоздать, ожесточённо спорил из-за каких-то пустяков – даже безграничное терпение Радзинского начало потихоньку истощаться.

– Ребёнка кто-нибудь успокоит? – вежливо поинтересовался он, аккуратно закрывая чемодан и окидывая оценивающим взглядом груды оставшихся на тахте вещей.

Да – ему пришлось безжалостно вытряхнуть из аверинского чемодана всё его содержимое и собственноручно отсортировать лишнее. Аспирант краснел, когда Радзинский перебирал его нижнее бельё, впадал в панику, когда тот выкидывал из багажа многочисленные книжки и конспекты, злился, когда бесцеремонный знакомый начал рыться в его шкафу в поисках летних рубашек с коротким рукавом. Теперь Николай сидел в углу возле письменного стола взъерошенный, красный, как помидор, и мрачно сверкал глазами.

Замечание насчёт ребёнка заставило его сорваться с места и кинуться утешать младенца. Плач после этого быстро затих, и Аверин вернулся в комнату с зарёванной малышкой на руках.

– Вещи уберите, – неприязненно процедил он, кивком головы указывая Радзинскому на разбросанные по тахте предметы.

– Сию минуту, Ваше Величество, – Радзинский ответил Николаю шутовской поклоном. – Сейчас шнурки поглажу и немедленно выполню Ваше распоряжение. Мы на поезд опаздываем – ты в курсе? И мне кажется, твоя жена вполне справится с уборкой.

Аверин вдруг разулыбался, и быстро отвернулся. С неожиданным пылом он принялся обцеловывать ребёнка: и мокрые от слёз румяные щёчки, и блестящие глазки со слипшимися ресничками и маленькие пальчики, вцепившиеся в папину рубашку.

– Папа скоро вернётся, – приговаривал он. – Катюша будет умницей, будет слушаться бабушку и не станет больше плакать. Так ведь? – Он в последний раз чмокнул малышку в носик и посадил её в кроватку. – Пойдёмте уже, – сухим тоном бросил он Радзинскому и, не оборачиваясь, вышел. Тот только головой покачал, но смиренно поднял чемодан и последовал за невыносимым аспирантом.

Однако с полпути Радзинский, стукнув себя по лбу, вернулся. Склонившись над кроваткой, он вынул заботливо

припрятанную там и прикрытую одеяльцем коробку, в которой оказалась роскошная фарфоровая кукла немецкого производства.

– Вот. Случайно узнал, что у тебя, Катюха, день рождения скоро намечается, – проворковал он ласково. – Поздравляю, желаю, дарю. Гляди – она глаза закрывать умеет, – Радзинский распаковал и протянул куклу заинтересованной подарком девочке. – Правда, на папу твоего похожа? – он с коротким смешком пригладил шелковистую светлую чёлку фарфоровой игрушки. – И вид такой же недовольный... – пробормотал Радзинский, задумчиво разглядывая плаксиво изогнутые губы куклы. Та, и правда, могла сойти за очень симпатичного мальчика, поскольку одета была в бархатные синие штанишки и такую же курточку с потрясающе красивым кружевным воротником.

– Папа, – послушно повторила Катюша, принимая игрушку, и вопросительно взглянула на дядю Кешу.

– Ага, – хмыкнул Радзинский. – Но это строго между нами. Пусть её зовут Николь. На французский манер. – Он нежно поцеловал ребёнка в макушку и распрямился во весь свой немалый рост – в его присутствии комната казалась раза в два меньше, столько места занимала его атлетическая фигура. – Иду-иду, – отозвался он на гневный возглас аспиранта, донесшийся из прихожей. Подхватив чемодан, он попятился к двери, продолжая давать Катюше последние наставления. – Можешь переодеть её в платье, мне будет приятно.

И бантик повязать не забудь. – Он помахал рукой и скрылся, наконец, за дверью.

Катюша отстранила от себя, прижатую было к груди куклу, и потрогала пальчиком длинные реснички – глаза, действительно, открывались и закрывались, совсем как настоящие. – Ляля, – уверенно сказала девочка и, пыхтя, принялась стаскивать с неё одежду.

За окном мелькают деревья, деревья, деревья... Фонарные столбы, какие-то домики вдали, и снова – тёмные, шероховатые стволы, густые переплетения ветвей, бурелом...

Аспирант, зябко укутавшись в одеяло, уже, наверное, целую минуту размешивает сахар в стакане: динь, динь, динь – размеренно и мелодично. Наконец, он поднимает голову и нерешительно взглядывает на Радзинского, который, тяжело опираясь локтями о хлипкий столик, сидит со своим стаканом напротив – голова низко опущена, брови сурово сдвинуты, взгляд, направленный в никуда, неподвижен и мрачен.

– Вы обиделись, Викентий? – тихо спрашивает Николай. И тут же прибавляет с досадой, – А ведь это я должен обижаться...

– А, по-моему, ты и не стеснялся, – сразу встряхивается Радзинский. – Ты не только от души пообижался, но и дал мне, как следует, это почувствовать.

– Ну, Вы же... Вы вели себя бесцеремонно! – аспирант в сердцах швыряет ложку на стол.

– Да-а-а? – деланно изумляется Радзинский. Он с удовольствием потягивается и откидывается на спинку обтянутого дерматином сиденья. – А, по-моему, я вёл себя разумно, предусмотрительно и вполне корректно. И я тебе здорово помог, Коля. Если бы не моё деятельное участие, волок бы ты сейчас с собой целый обоз вещей, которые ни разу – поверь моему опыту – в продолжение всей этой поездки не пригодились бы тебе.

– Я Вас не просил, – гордо вскидывает голову аспирант. Но его светлая чёлочка, изогнутые подковкой губы и тень от ресниц на щеках напрочь уничтожают грозный эффект от его впечатляюще ледяного тона.

– А меня и не надо просить, Коленька, – чувственным грассирующим баритоном сообщает Радзинский, нагибаясь к Аверину через стол. – Я точно знаю, когда надо вмешаться, а когда умыть руки.

– И чем же Вы при этом руководствуетесь? – вежливо интересуется аспирант, делая неспешный глоток всё ещё горячего чая. Взгляд Аверина, ожидающего ответа на свой вопрос, становится жёстким, губы сжимаются, движения делаются резкими, рваными. Густые вечерние тени словно заново вылепливают его лицо – чётко очерчивают острые скулы, гордо вздёрнутый подбородок, заставляют ярче сверкать в темноте отливающие сталью глаза.

– Ну, как тебе объяснить, Николенька... – Радзинский тоже поднимает свой стакан и отпивает немного, беззастенчиво разглядывая своего визави. – Ты про любовь что-нибудь слышал? Так вот – не могу равнодушно смотреть, как человек, благодаря своей... э-э-э... неопытности, делает глупости.

Аспирант молчит, невесомо поглаживая кончиками пальцев гранёные бока стакана.

– Я ответил на твой вопрос? – Радзинскому кажется, что он загнал аспиранта в угол и теперь тот растерян и беззащитен – оттого и молчит. Поэтому спрашивает слегка насмешливо, – А теперь ты мне скажи – если не секрет – чем **ты** руководствовался, когда пообещал Эльгизу, что безотлагательно приедешь на встречу с его Учителем и пробудешь в его гостеприимном доме не менее двух недель? – Необыкновенно приятно наблюдать, как полыхают в полумраке щёки уязвленного справедливым упреком аспиранта.

– Он обратился прямо к моему сердцу. И получил то, что хотел, – сдержанно отвечает Николай, с достоинством опуская глаза.

Радзинский едва не давится чаем.

– Ещё раз?! И – прости – с какой частью твоего существа обычно беседую я?..

– Вы? – Аспирант окидывает Радзинского снисходительным взглядом. – Вы постоянно давите на сознание. Сюда. – Аверин приставляет указательный палец к своему лбу. –

Причём так настойчиво, что я периодически отключаюсь и чудом успеваю в нужный момент очнуться. – Аверин вдруг наклоняется к Радзинскому близко-близко, и пристально, безотрывно смотрит ему в глаза. – Иначе Вы бы полностью меня растворили... – произносит он ровным, бесстрастным голосом.

Радзинскому кажется, что стены и потолок купе сдвигаются, он судорожно хватается за стол, понимая, что аспирант делает с ним сейчас что-то нехорошее, но почему-то не находит в себе сил отвести взгляд. Он чувствует почти осязаемое давление на свой мозг, отчего все мысли разом вышибает из его головы. Какое-то время Радзинский ещё сопротивляется, но с каждой секундой хватка его ослабевает – и вот уже сладкое забвение поглощает сознание. Нирвана...

Перестук колёс. Размеренные покачивания. В зеркале проплывают солнечные весенние пейзажи. Кажется, там мелькнуло и что-то зелёное. Неужели первая листва?

Аспирант сидит почему-то на верхней полке – ноги укрыты одеялом, на коленях книга, знакомая голубая рубашка при ярком свете солнца, как кусочек ясного неба...

Вчерашний разговор кажется сном. Содержание его – бредом. А Николай вдруг начинает говорить, не отрывая при этом сосредоточенного взгляда от страницы:

– Простите меня, Викентий. Я не хотел. Вы меня разозлили. Это меня не извиняет, конечно... Но... Я больше так не буду. Я... Мне очень стыдно...

– Не кипишись, студент, – Радзинский лениво прикрывает глаза. – Я давно так не отдыхал. Честное слово, я спал, как младенец! – Радзинский широко зевает, подтягивает выше свои длинные ноги и садится, обхватив колени. Он щурится на слепящее горячее солнце за окном, переводит взгляд на вцепившегося в книгу аспиранта и усмехается, – Ты завтракал? – Неуверенное отрицательное движение головой. – Тем лучше, составишь мне компанию. – Кажется, в приступе горячей благодарности за проявленное великодушие Николай готов на всё – даже отправиться в вагон-ресторан. Он смотрит на Радзинского так преданно, как провинившийся щенок. Сейчас из него можно вить верёвки.

Эта мысль настойчиво возвращается к Радзинскому, когда он наблюдает, как аспирант вяло ковыряет вилкой творожную запеканку.

– Коль, я чудовище? – весело спрашивает он. И ухмыляется, когда Аверин вздрагивает.

– Н-нет... Нет, конечно! – Николай моргает растерянно и откладывает в сторону вилку с гравировкой «МПС». – Когда мы встретились – ну, вот, когда Вы из машины вышли – мне показалось, что у меня сердце из воска, и что я сейчас растаю – такое горячее сердечное чувство Вы изливали на совершенно незнакомого человека. Вы не представля-

ете себе, сколько безумно талантливых и одарённых людей я встречал на своём пути, но в них не было Любви и... – и всё напрасно, понимаете? Они ничего не достигнут в духовном смысле. Даже, наоборот – их таланты на дно их утянут... – Аверин вдруг прервался и отвлёкся, наконец, от разглядывания тарелки. – Простите меня, Викентий. Я вчера разозлился на Вас ужасно. У меня было такое чувство, как будто Вы меня предали...

– Стоп-стоп-стоп... – Радзинский поднимает руку в предостерегающем жесте. – Получается, что я должен был вчера промолчать и покорно потащить на своём горбу твой бездарно собранный багаж? Это, по-твоему, Любовь?

Аверин тяжело вздыхает и снова опускает глаза.

– Я уже не знаю... Но... Любовь – это дар. Большинство людей просто не подозревают, что это такое, и называют любовью самые разные вещи – влечение, симпатию, страсть. А настоящая Любовь – это присутствие Божественного в человеке. Когда он приносит в жертву своё эго и становится частью Божественного организма – не частью этого мира, главная черта которого – любовь к себе. У Вас в сердце горит этот огонь, но Вы иногда так поступаете, что я не знаю, что и думать... Викентий, Вы простите меня?

Радзинский заслушался и не ожидал такого резкого возврата к прежней теме, поэтому слегка растерялся. Но потом улыбнулся так душевно, как только мог, и радостно ответил:

– Конечно, Коля. Если ты готов окончательно перейти

на «ты», считай, что примирение состоялось.

Аверин сперва опешил от такой наглости, но затем, видимо, счёл это требование законным.

– Хорошо... Кеша, – с некоторым усилием произнёс он. – Не жалуйся потом, что я тебе надоел. Ладно?

Итак, чувство вины, шоколадка, купе, из которого ещё двое суток никуда не деться – идеальные условия для дальнейшего исследования феномена Николая Аверина. Страсти улеглись, и Радзинский смог, наконец, отдаться этому занятию целиком и полностью.

– Любовь и Истина – это имена Бога. Нет никакой абстрактной истины, потому что Она живая – Он живой. И Любовь – это тоже Он, – увлечённо вещал аспирант, пачкая пальцы тающим на солнце шоколадом. – Как же меня корёжит, когда я слышу: «Он застрелился, потому что *любил*. Он задушил её, потому что *любил*». Любил, да – себя, свои страдания, себя в этих страданиях. Вот, допустим, я тебя, Кеша, люблю – значит, мне ничего от тебя не надо! Я счастлив от того, что ты просто есть на этом свете! Если понадобится, я за тебя умру! Вот это – Любовь. Всё остальное – различные проявления любви к себе. Это антилюбовь. Это атрибут зла, ген самоуничтожения человечества.

– Мне от тебя тоже ничего не надо, – усмехается Радзин-

ский, протягивая Николаю полотенце. – И я тоже счастлив просто от того, что ты есть на этом свете, – многозначительно хмыкает он.

– Да-а-а? – В глазах Николая прыгают искорки смеха. – Ничего, что я испачкаю казённое полотенце? – он нерешительно вытирает руки о махровую ткань, которая немедленно превращается в малопривлекательную тряпку. – Это сейчас было признание в любви? – Он с интересом разглядывает своего попутчика. – Я тронут. Ничего, что я странный? Что иногда отрубаясь на пару суток? Что я полный ноль в житейских делах?

– Ты кашу умеешь варить, – невозмутимо возражает Радзинский. Вальяжно раскинувшись на подушках, он полулежит, упираясь затылком в стену, и лениво следит за хрупким аспирантом.

– И это все мои достоинства? – Николай вдруг таким острым взглядом обводит фигуру сидящего напротив Радзинского – его широкие плечи и могучую грудь, его тяжёлую руку, расслабленно лежащую на одеяле – что тот невольно подбирается, будто почуяв опасность.

А Николай продолжает изучать его лицо. И Радзинскому кажется, что он чувствует аккуратные прикосновения – к своим волосам, ко лбу, и как кто-то словно пальцем проводит, очерчивая выразительно изогнутую бровь, и горячую ладонь на щеке.

– Это довольная простая техника, – улыбается Николай. –

Для Вас, по крайней мере. Пардон – *для тебя*, – смеётся он. – Так что можешь освоить. Тот, кому ничего не надо, получает всё! – торжественно воздевает он руки. И вздыхает. – Жаль, что я так мало могу тебе дать. Взамен твоей горячей бескорыстной любви...

Аверин спит. Слегка приоткрыв рот, он прижался щекой к подушке – беззащитный и трогательный, как ребёнок. Радзинский проверяет, не дует ли ему от окна, символически поправляет одеяло и садится напротив. Некоторое время он развлекается тем, что разглядывает через стенку, что делают пассажиры в соседнем купе. Аверин оказался очень щедр и весь день показывал своему названому брату, что можно делать взглядом. В частности, учил его смотреть сквозь стены.

Радзинский также довольно быстро освоил технику прикосновения, и некоторое время отрабатывал своё новое умение на Николае. Тот, правда, терпел недолго и уже через пять минут бесстрастно посоветовал Радзинскому поработать над своей сексуальной сферой – мол, его касания слишком чувственные и после них хочется умыться. «Холодной водой?» – съехидничал уязвлённый Радзинский и первый раз в своей жизни получил бесконтактную, но вполне ощутимую пощечину.

Аспирант потом, конечно, долго извинялся, опять корил себя за несдержанность и наотрез отказался научить Радзинского такому полезному навыку – ведь это *плохо*.

Вообще, Николай крайне пренебрежительно отзывался о ценности подобных техник, а тех, кто ими увлекается, называл коллекционерами, иногда – циркачами. «Это не делает тебя ближе к Богу» – качал он головой. На что Радзинский соглашался – мол, да, можно быть вообще неверующим и при этом эффектно топтаться голыми пятками по битому стеклу и даже исцелять наложением рук. Он вопросительно смотрел на Аверина, ожидая, что тот продолжит развивать эту тему, но тот всегда ограничивался одним и тем же лаконичным аргументом, после чего отводил взгляд и замолкал. Радзинского посещало при этом знакомое чувство, что он снова упирается в стеклянную на этот раз стену, и искренне не понимал, что от него требуется, чтобы преодолеть эту прозрачную преграду.

М-да, похоже, докапываться до аспиранта придётся очень долго. Вполне возможно, что на это не хватит и целой жизни...

Глава девятая. Лепесток священного огня

За окном поезда расстилался совершенно фантастический пейзаж: до самого горизонта тянулась лишённая растительности равнина, которая сверкала в розовых лучах восходящего солнца, отражая свет миллионами рассыпанных по её красноватой поверхности кристаллов.

– Это соль, – пояснил Радзинский, заметив, что аспирант практически прилип к стеклу, привлечённый редкой красоты зрелищем.

– Значит, они соль собирают? – Николай с интересом проводил взглядом фигуру бредущего вдоль насыпи человека с ведром в руке. Тот иногда останавливался, поднимал с земли очередной соляной «слиток» и, придирчиво осмотрев его, опускал в свою жестяную тару.

– Совершенно верно, – вздохнул Радзинский, вертя в пальцах зажигалку – и курить хотелось, и выходить не хотелось. Аспирант, конечно, ни слова не скажет, если начать дымить прямо в купе, но дышать при этом будет стараться через раз.

– А это нефтяные вышки? – продолжал любопытствовать Аверин. Вдалеке, на самом краю этой равнины, упирались в небо загадочные конструкции. словно перекладины гигантских качелей взмывали вверх – в такую высь, что дух захватывало – и размеренно опускались вниз.

– Угу, – промычал в ответ Радзинский, со вздохом убирая зажигалку в карман. – Скоро приедем, – предупредил он, взглянув на часы. – Минут сорок осталось, может чуть больше...

– Жалко, – аспирант отвлёкся, наконец, от разглядывания окрестностей и повернулся к попутчику. – Я бы всю жизнь так ехал, – с обезоруживающей улыбкой признался он. – Ты на редкость приятный сосед.

Радзинский постарался улыбаться в ответ не слишком широко – знал бы Аверин, каких усилий стоил ему этот праздник души. Хотя нет, пусть лучше не знает. Ведь если бы аспирант был в курсе *всех* махинаций собеседника, он бы, наверное, больше не захотел с ним общаться. А так – Николай доволен, и никаких вопросов, почему, мол, мы почти трое суток трясёмся в поезде, хотя могли полететь в Баку на самолёте? Или – что за чудеса: поезд переполнен, а мы едем в купе вдвоём, но оборотистый проводник никого к нам не подселяет?

Розовый диск над горизонтом между тем давно уже вспыхнул золотом, и ослепительный свет затопил тесное купе с пыльным потёртым ковриком на полу, сверкающим

на двери зеркалом и полосатыми колбасами плотно свёрнутых матрасов на аскетичных узких полках.

Радзинский, отгораживаясь от яркого солнца, задёрнул шторку со своей стороны и подвинул Николаю гранёный стакан, крепко сидящий в металлическом подстаканнике с изображением Девичьей Башни.

– Допивай, – вздохнул он.

Аверин глянул на попутчика как-то слишком понимающе и усмехнулся, оплетая стакан своими тонкими пальцами:

– Закуривай.

Радзинский дважды просить себя не заставил, и скоро над столиком поплыли волны сизого дыма.

Они молчали, и, странно, но в этом не было никакой неловкости, напряжения или фальши. Радзинский задумчиво курил. Николай баюкал в ладонях стакан с чаем, в толще которого под горячими солнечными лучами зажглись красные огненные искры. А потом Аверин спросил:

– Ты понимаешь, зачем мы едем?

Закинув на плечо спортивную сумку с надписью «СССР» и подхватив аверинский чемодан, Радзинский шагнул на перрон и озабоченно оглянулся – не отстал ли аспирант. Тот смотрел перед собой отрешённо, как будто именно толпа и привокзальная суeta помогали ему погрузиться в глу-

бочайшую задумчивость. Тем не менее, поспевал он за Радзинским легко, словно шагал по специально для него расстеленной ковровой дорожке, на которую не смел ступить никто из возбуждённых, издёрганных пассажиров.

Закопчённый бок поезда дрогнул, и состав потихоньку тронулся. В этот момент Радзинский увидел, наконец, черноволосого красавца Эльгиза в заметной издалека белоснежной рубашке – тот внимательно просеивал взглядом толпу. Рядом, вертя на пальце ключи от машины, стоял пузатый, улыбающийся Рафик. Пышные усы придавали ему вид добродушный и мирный, а характерная для кавказца кепка-«аэродром» – даже слегка анекдотичный.

Эльгиз, едва московские гости подошли, сразу же шагнул навстречу, радушно распахивая объятия. Ритуальные похлопывания, потряхивания и смачные поцелуи в обе щеки достались Радзинскому и от него, и от Рафика. Однако Аверину Эльгиз только поклонился, прижимая руку к сердцу и цепко глядя аспиранту прямо в глаза – как дрессировщик, который входит в клетку к тигру.

Эльгиз был скуп на жесты и телодвижения. Наверно поэтому каждое из них было таким выразительным. Глядя на товарища, и Рафик растерянно опустил, протянутую было для рукопожатия ладонь, а потом в точности повторил эльгизово приветствие. От внимания Радзинского не ускользнула эта красноречивая демонстрация иерархической зависимости со стороны Рафика, но виду он не подал. Здесь, на Во-

стоке это было в высшей степени *уместно*.

– Саламим хардадир?³ – сурово сдвинув брови, прикрикнул вдруг Эльгиз на увлékшегося наблюдением Радзинского. И пальцем погрозил, как ребёнку.

– Салам алейкюм⁴, Эльгиз-муэллим⁵, – театрально склонил голову Радзинский и Эльгиз снисходительно потрепал его по волосам.

– Ты заставил себя ждать, Кеша-джан⁶, – усмехнулся Эльгиз. – В глобальном смысле, – пресёк он попытку Радзинского оправдаться. – Поэтому теперь подождёшь ты. Наш гость, – он снова церемонно склонился перед настороженно прислушивающимся к их беседе аспирантом, – в нашем чудесном краю первый раз. Поэтому несколько дней погостите у меня: придёте в себя с дороги, посмотрите город...

Эльгиз обитал в роскошной семикомнатной квартире на Самеда Вургунa. Когда Радзинский вошёл внутрь, он расхохотался. «Учитель» всё время их знакомства не переста-

³ 1 Что-то вроде «почему не здороваешься?». Так обычно говорят детям.

⁴ 2 Мир вам – (араб.). Обычное приветствие для мусульманского мира. Калька с еврейского «шалом алейхем».

⁵ 3 Муэллим – учитель. Уважительное обращение к старшему в азербайджанском языке.

⁶ 4 Душа (сердце, жизнь) – (фарси). Обращение к близкому, родному, дорогому человеку.

вал третирировать своего подопечного за недостаток аскетизма в быту. Его вдохновенным проповедям о воздержанности позавидовал бы даже Саванаролла. Теперь выясняется, что сам он живёт далеко не в пещере. Синяя с золотом лепнина под потолком, вычурные светильники, старинные персидские ковры – вся эта восточная роскошь навязчиво демонстрировала чрезвычайно высокий статус хозяев дома.

Пыхтящий сзади с сумками Рафик понял бурную реакцию Радзинского по-своему и шепнул, предварительно ткнув хохочущего востоковеда слегка под рёбра, чтобы привлечь к себе его внимание:

– У Элика брат – первый секретарь Шекинского обкома. Его называют там Шекин-шах.

– Не делай поспешных выводов, Викентий. – Эльгиз, конечно же, наслаждался произведённым эффектом. – Я могу жить во дворце и оставаться аскетом. А ты – сам понимаешь... – Эльгиз невозмутимо поднял раскрытую ладонь, и Радзинский с размаху звонко по ней шлёпнул, что означало, что он оценил шутку.

Скинув ботинки, и всё ещё похрюкивая от смеха, Радзинский последовал за наставником вглубь квартиры, предоставив на этот раз Рафику возможность подыскать тапочки для Аверина. Нужно было перекинуться с учителем парой слов наедине.

– Элик-джан, – негромко пророкотал Радзинский над самым ухом Эльгиза, когда догнал его в коридоре. От настав-

ника горько пахло каким-то незнакомым парфюмом. – Надеюсь, у тебя найдётся комната, в которой ты мог бы разместить нас обоих. Ты же понимаешь, что я не могу оставить нашего друга без присмотра.

– Желание гостя – закон, – вежливо улыбнулся Эльгиз и распахнул дверь в комнату с двумя аккуратно застеленными кроватями и парой одинаковых письменных столов у окна. – Это спальня моих старших сыновей. Они оба сейчас учатся в столице. Подойдёт?

– Премного благодарен. А курить здесь можно?

– А это ты спрашивай у своего соседа. Сомневаюсь, что ему это понравится. Он же, наверное, и так натерпелся от тебя по дороге? – Эльгиз насмешливо покосился на спешащего к ним Аверина, вокруг которого суетился едва ли не танцующий от избытка чувств Рафик.

– Ты бы лучше меня пожалел, – Радзинский попытался придать своей физиономии скорбный вид. – Знал бы ты, чего я натерпелся.

– Чего жалеть дурака? – ласково ответил Эльгиз и покровительственно потрепал Радзинского по плечу.

– Что случилось? – Эльгиз остановился и внимательно поглядел на Аверина. Тот последние полчаса стал заметно отставать, а теперь, закусив губу, и вовсе прихрамывал с муче-

ническим выражением на лице.

– Ничего страшного. Ногу натёр, – вздыхая, признался аспирант.

– Вай-вай-вай, – сочувственно поджал губы Эльгиз. – Не привык так много ходить? – Он скользнул по лицу и фигуре Аверина изучающим взглядом и сразу отметил испарину на лбу и покрасневшую на открытых для солнца участках кожу. – Ты ещё и обгорел? Так быстро? – тихо изумился он, выразительно приподнимая бровь. – Ничего. Сейчас мы решим все твои проблемы. Обопрись на меня. – Эльгиз подставил Николаю плечо, крепко сжал за запястье обвившуюся вокруг его шеи аверинскую руку и надёжно обхватил аспиранта за талию. Эльгиз был не слишком высоким и по-восточному тонкокостным, но сильным, поэтому Аверин мог смело на нём повиснуть.

Они поковыляли по боковой аллее Нагорного парка прочь от смотровой площадки, где оживлённо беседовали на какие-то научные темы Радзинский и Рафик.

Те нагнали их довольно быстро.

– Коль, что с ногой? Вывихнул? Ударился? – Радзинский тормозил Аверина, не замечая ни усмехающегося Эльгиза, ни недоумевающего Рафика.

– Натёр, – краснея, выдавил вконец смущённый Николай.

– Куда? – сразу переключился на учителя Радзинский.

– Во-о-он к тому ресторанчику, – указал подбородком Эльгиз. И сухо приказал Рафику, – В аптеку сбегай.

Радзинский проводил Рафика взглядом и вдруг нерешительно предложил:

– Может, я донесу?

– Меня?! – запаниковал аспирант.

– Уймись, Викентий, – старательно пряча улыбку, урезонил его Эльгиз. – Ни к чему привлекать к себе лишнее внимание. – И потянул Николая за собой.

Радзинский смиренно пошагал следом к полупустому в это час ресторану, где толстые стены надёжно укрывали от дневного зноя, а постоянный ветер с моря приносил ощутимую свежесть и прохладу.

Эльгиз опять удивил: пошептался с официантом и тот принёс небольшой тазик и кувшин с водой. Опустившись на колени, Эльгиз собственноручно расшнуровал аверинские ботинки, осторожно снял с аспиранта носки и принялся бережно омыwać его ступни. Оказалось, что ноги Аверин стёр в кровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.